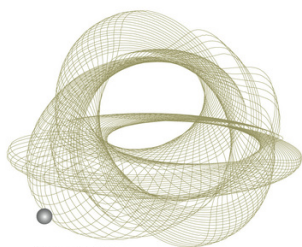

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ВАТЕРЛИНИЯ

Александр Николаевич Громов
Ватерлиния
Серия «Галактическая империя»
Серия «Мир Капли», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119066*

*Ватерлиния: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-06693-4*

Аннотация

Вы можете представить себе планету, целиком состоящую из воды? Ее назвали Каплей. Расположенная на пересечении важных космических трасс, Капля стала местом, где схлестнулись интересы Земной Федерации, Унии и Лиги Свободных Миров. Человечество, расселившееся по всей Галактике, так и не стало единым. Военное противостояние, экономические неурядицы, проблема контакта с инопланетной жизнью – все эти противоречия, разделяющие мир, не дают покоя и пилоту флайдarta Александру Шабану, попадающему сначала на не вполне благополучную планету Прокна, затем – на Каплю. А тут еще выясняется, что существует некий загадочный Ореол...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Александр Громов

Ватерлиния

Часть первая

Поплавок

Глава 1

Смерч рассыпался в полумиле по правому борту; только минуту назад ходил зигзагами, медленно приближался, рос в высоту, пил море бешено вращающимся рукавом – и вот, пресыщенный, рухнул сразу, опрокинув в океан килотонны воды. Большая волна подбросила капсулу. Уронила в провал. Еще волна, уже поменьше. И еще. Качнула. И снова штиль. Ни волны. Ни ветерка. Лишь мелкая рябь, бегущая неизвестно откуда. Лишь прорывы в тучах, а в прорывах – нестерпимо слепящие, бьющие наотмашь лучи солнца.

Лишь одиночество...

Филипп позволил подъемнику вознести себя на палубу, короткую и узкую, изъеденную укусами волн. Подъемник еще работал. В принципе, существовал еще трап, оканчивающийся аварийным люком, открывающимся вручную, – но люк после бомбежки заело намертво, хорошо еще, что не сорвало совсем.

Обшивка была цела и даже на глаз находилась в довольно сносном состоянии. Не пузырилась после случайного цунами, не крошилась, отваливаясь кусками, как бывало с капсулами, пересекавшими на предельной скорости пятно желтого прилива. От желтого прилива нужно уходить только на предельной скорости и немедленно возвращаться на контрольный пост или прямо на Поплавок, послав кодированную шифровку о прекращении патрулирования. Инструкции точны. Через два-три дня поднявшийся из глубины пласт маслянистой жгучей жидкости растечется по поверхности океана и под лучами солнца утратит активность – но этого времени с избытком хватит, чтобы вчистую растворить крейсер высшей защиты, не то что капсулу.

Никто не знает, отчего возникает желтый прилив. Среди противоречивых гипотез преобладают биогенные. Родившись на пятисоткилометровой глубине вблизи границы Вихревого пояса, плотный кокон, состоящий из смеси органических кислот и вихревой оболочки, быстро поднимается к поверхности. Уплощаясь по мере подъема, он всплывает гигантской линзой от одной до сотни миль в поперечнике. Там, где он всплыл, ничего особенного не происходит, вид океана мало что скажет самому внимательному глазу. Зато рецепторы на обшивке – что капсулы, что крейсера, все едино – передадут на кожу глубинного пилота щадяще ослабленное ощущение жжения, и одновременно замигают, заквакают, взвоят индикаторы, сообщая, предупреждая, категорически требуя: уходи! Немедленно прочь отсюда! Или ныряй поглубже, если еще доверяешь прочности разъедаемого корпуса.

Взамен отказавших рецепторов остаются глаза. Бесспорно, есть смысл следить за обшивкой и в том случае, если плавсредство потеряло ход. Свою жизнь не спасешь, конечно, но хотя бы успеешь умереть безболезненно. Барахтаться в кислоте еще никому не нравилось.

Иногда желтый прилив можно предсказать, если регулярно брать пробы воды на соленость и радиоактивность. Филипп делал это, сам не понимая зачем. От желтого прилива ему

не уйти и не поднырнуть под линзу – ослабевший корпус не выдержит теперь и пятисотметрового погружения.

Мертвая зыбь покачивала капсулу. Как вчера, как третьего дня. Поборов отвращение, Филипп осмотрелся по сторонам. Пусто. Лишь в свинцовых тучах далеко на юге закрутился было новый смерч, потянулся к воде гнутым хоботом и, не дотянувшись, рассеялся. В субэкваториальных широтах смерчи не редкость. Бывают и тайфуны. Часты неведомо откуда налетающие грозы с обилием шаровых молний. Гидросейсмы. Неожиданные водовороты, способные увлечь капсулу на десятимильную глубину. О желтых приливах нечего и говорить – самое обычное дело.

Филипп со вздохом спустился вниз, в рубку (она же навигаторская кабина, она же спальня, она же библиотека по праву единственного помещения капсулы, приспособленного для обитания человеческого существа). От нечего делать взял в руки книгу.

«Из миллиардов планет, существующих в Галактике, из миллионов известных землянам миров, из тысяч миров разведанных и, уж конечно, из сотен заселенных, вряд ли найдутся два мира, похожих друг на друга. Искорки в безбрежности, игра сотворивших их причуд, планеты несхожи, как снежинки в зимнем облаке – перебери их все, а не найдешь двух одинаковых, хоть потрать на это занятие одну свою жизнь, хоть миллион чужих, если тебе это по силам. Прекрасные, холодные, поражающие красотой – но увы! – такие разные. Неповторимые. Похожесть – но не тождество.

Встречаются уродцы. Как всегда, как везде. Иные заставляют улыбнуться, иные – недоуменно пожать плечами. Любая норма подразумевает возможность отклонения, а значит – уродство. Но и уродцы не схожи между собой.

В самой гуще Третьего спирального рукава, во внутренней его части, заполненной сжимающимся газом, миллионами бело-голубых звезд, тысячами холодных гигантов – еще не разогревшихся, погруженных в пылевые облака, возле заурядной белой звезды, согреваемая ее лучами, была найдена планета во всех отношениях уникальная и столь же неудобная. Имейся в радиусе триллиона километров хоть что-нибудь более подходящее, лишь немногие уникалы из тех, кому платят деньги за накопление бесполезных знаний, обратили бы внимание на космическую диковину. Беда заключалась в том, что для создания перевалочной и ремонтной базы поблизости от выходов сразу четырех стабильных субпространственных Каналов и, следовательно, от пересечения давно освоенных торговых путей не нашлось ничего более пригодного.

Планета, открывшаяся взорам исследователей, вдвое превышала Землю в диаметре и в полтора раза по массе. Вода, из которой она состояла от поверхности до центра, находясь в зональном вращении, несла растворенные соли и примитивную жизнь. Перенасыщенная влагой атмосфера позволяла дышать сквозь фильтр и даже некоторое время обходиться без фильтра. Именно наличие свободного кислорода и воды побудило проектировщиков отклонить космический вариант базы в пользу плавучего. Сами себе иногда напоминая клопов-водомерок, люди начали жизнь посреди океана.

Ни материка, ни островка, ни мели.

Только вода.

Громадная жидкая Капля.

Никто не придумывал планете имени. Оно нашлось само так же естественно, как естественно чихнуть в дождливый день.

Капля – и все. Круглая, неправдоподобно большая. Пугающая. Просто Капля...»

Ругнувшись, Филипп выдернул из книги вкладыш с надписью «Для юношества: Беллетризованная история освоения Капли» и, поискав среди исторических романов, сунул в книгу первое, что попало под руку.

«...Несмотря на то что оружие противника было длиннее на целых два дюйма, молодой барон молнией проскользнул под описывающую грозные круги бензопилу де Ренси и нанес, казалось, неотразимый удар наискось снизу вверх. Изабелла, уверенная в своем избраннике, захлопала в ладоши. Трехсотсильный портшез, стоявший на радиоактивных развалинах, весь содрогался от охвативших молодую женщину бурных треволнений. Но маркиз не зря считался одним из лучших фехтовальщиков в гвардейских казармах. Злобно усмехнувшись, он дал отпор. Две изящные бензопилы, визжа и кромсая друг дружку, встретились крест-накрест между побледневшими от гнева лицами противников...»

Почему-то не читалось. Зевнув, Филипп съел вторую за сегодня галету, запил водой из опреснителя, бросив в дистиллят крупинку соли. Переключив книгу на «действие», оживил картинку и досмотрел сцену дуэли в движении и звуке. Выключил. Посмотрел на часы. До времени, которое он сам себе назначил, оставалось еще порядочно, но нетерпение оказалось сильнее.

Радио по-прежнему молчало. Это не удивило: невооруженным глазом было видно, что повреждения, полученные капсулой при бомбежке, слишком серьезны, чтобы имело смысл надеяться на естественное регенерирование. Связи с контрольным постом нет и не будет. Сработала система аварийного всплытия, и то удача. Девятый день спокойного, без происшествий, дрейфа – удача вдвойне.

Судя по всему, он очнулся на второй день. Аварийное отключение от рецепторов капсулы почему-то не сработало, и несколько часов он провел, исходя безмолвным криком, извиваясь червяком в борьбе со слепотой, слабостью и болью, пока наконец ему не удалось ощупью найти и выдернуть из гнезда тонкий кабель-пуповину, соединявший шлем с приборной панелью. Придя в себя, долго с остервенением пинал шлем, ругательски ругая умника, додумавшегося до cerebroуправления с обратной связью. Цепь аварийного отключения удалось исправить, но Филипп больше не испытывал потребности сунуть голову в шлем. И без того было видно, что за несколько истекших дней капсуле не стало лучше.

На второй день, считая от бомбежки, он выпустил два ракетных маячка, выдержав между запусками шестичасовой перерыв. На третий день он повторил попытку. Затем запускал маячки по одному в день. Последний ушел в небо вчера в полдень. Маячок опускается на парашюте почти час и все это время сотрясает эфир воплями о помощи. Не запеленговать невозможно. Через два-три дня, максимум через четыре, если очень не повезет, можно ждать помощи: терпящего бедствие подберет сосед-патрульный или даже возьмет на борт вместе с капсулой подводный крейсер.

И – ничего...

Все впустую. Девятый день.

Навигационный комплект действовал, но поправки теперь приходилось вносить вручную, а точность определения координат не превышала полуградуса. Взяв пеленги на три стационарных спутника, Филипп рассчитал свое местоположение: три с довеском градуса южной широты, сто восемнадцать – восточной долготы. За последние три дня капсулу снесло на сто миль к северу и на четыреста к востоку. В это время года экваториальные антипассаты нередко пробуждают незаконные течения.

К северу – это плохо. Экватор – граница, рубеж. Пересеки его в дрейфе – и ты либо пленный, либо покойник. Вероятность остаться незамеченным крайне мала, а после серии маячков, можно сказать, нулевая. Строго говоря, беспомощная капсула в приграничье – уже добыча, северяне могли бы рискнуть отбуксировать ее в свои воды, да что-то не торопятся. Такая осторожность непонятна: не постеснялись же они взять патрульное судно в бомбовый «ящик»!

Без связи с контрольным постом, не говоря уже о Поплавке, оставалось только гадать о причинах. Война, атака северян на южные базы? Южан на северные? Тогда конечно: в большой заварухе обе стороны легко могли позабыть о беспомощной капсуле.

Война на море. Здесь и не может быть иной войны. Допустим... С другой стороны, уцелевшие приборы не фиксируют эхо от мегатонных ядерных взрывов – подводных и надводных, – и не летят над головой радиоактивные тучи. Обычный фон, не более.

Ограниченная война? Вряд ли. Крутой пограничный конфликт? Дело знакомое, но конфликт, растянувшийся на целых девять дней, это уже слишком. Это уже война – со всей неизбежностью. Со всеми вытекающими. Северяне всегда предпочитали нагадить исподтишка и юрким ужом улизнуть от законного возмездия. Не дураки же они, чтобы не понимать: порознь им с зоной Федерации не тягаться, кишка тонка. Но уж если допустить, что зона Лиги, зона Унии Двенадцати Миров и Независимая зона, забыв склоки, вошли в тесный союз, то жди неприятностей...

А кто когда-нибудь слышал о таком союзе? Никто и никогда. Гипотеза не хуже других, и только.

Все равно ничего не выяснишь, сидя в этой жестянке.

Филипп длинно выругался, так длинно, как только сумел. Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы подсчитать: еще восемь-девять, самое большее десять суток дрейфа – и капсулу вынесет в чужие воды. Если прежде не утопит тайфуном или смерчем, не разьест желтым приливом. Если не изменится течение. О том, что будет дальше, не хотелось и думать.

Все эти дни ветер дул на северо-восток, помогая течению. Филипп измучился, выдумывая, из чего бы сделать мачту. Косой парус, по идее, позволил бы уйти в безопасные воды. Конечно, при условии, что его удалось бы изготовить. Пузатой посудине был необходим и киль, и действующий руль, взамен заклиненного, и тросы для оттяжек мачты. Ничего этого не было и в помине. Помучившись, Филипп перестал ломать голову над неразрешимой задачей.

Оставалось ждать. Изнывая от бессилья и одиночества, лелея еще не погасшую надежду. Просто ждать.

Наверху загрохотало. Короткий злой ливень простучал по обшивке и стих. Филипп вновь поднялся на палубу. Скоротечная гроза уходила к югу, швыряя в океан огненные столбы, и, догоняя полосу дождя, низко над водой тянула не крупная шаровая молния. В полукабельтове от капсулы она заметалась ошалелыми зигзагами, выбросила сноп-другой искр и погасла без взрыва. Из-за края тучи выскочило солнце, хлестнуло жгучими лучами, заставив океан вспыхнуть миллионом слепящих бликов. Закрыв глаза рукой, Филипп отшатнулся, едва устоял на скользкой палубе и, сдвинув дыхательный фильтр, сплюнул за борт. Никакой другой благодарности от человека этот океан не заслуживал.

Можно было спуститься вниз за темными очками, вернуться и, как подобает потерпевшему кораблекрушению, всматриваться в горизонт, пока глаза не разьест солью. Можно было пойти дочитывать роман. В любом случае – спуститься вниз и уже там посмотреть, что победит на этот раз: надежда или апатия?

Филипп шагнул на ребристую платформу подъемника – и замер. Сердце подпрыгнуло, в висках запульсировали жилки. Слезающиеся глаза разглядели приближающуюся точку.

Прошла минута, затем другая – Филипп стоял неподвижно, глядя, как точка превращается в пятнышко, а пятнышко – в полупогруженную капсулу, полным ходом идущую на север. Вспененный бурун карабкался на бульбообразную рубку. Капсула была такая же, как и у Филиппа, – «Удильщик-IV», базовая модель, специально модифицированная для Капли. Еще минута – и Филипп разглядел эмблему на рубке, а разглядев, непроизвольно сделал шаг назад, едва не опрокинувшись в море.

Капсула, что приближалась к нему, не принадлежала погранфлотилии зоны Федерации. Это был чужак.

* * *

...Ох, и покрутило меня в тот раз на тренажере – врагу не пожелаешь! То последней торпедой того и гляди мимо цели промажешь, то постановщик помех дурит, как не родной, то уходишь спиралью вниз, на максимальную глубину, а тебя засекли и бомбят... Оно и понятно: выпускной экзамен по технике глубинного пилотирования – тут спуску не жди. В общем, когда кончилось, вылез я из кабинки, язык на плече, за дверцу держусь и отпускать ее не хочется, в глазах нахальные чертики пляшут, а Морж тут как тут:

– Курсант Альвело Филипп-Мария-Хосе... – и весь павлиний хвост моих имен. Даже ни разу не сбился, что удивительно.

А я еще ничего не вижу, не соображаю и вообще не понимаю, где нахожусь, голова кружится, однако отдираю себя от дверцы, роняю руки по швам и гаркаю во всю дурь: «Я!» Аж кто-то в комиссии прыснул.

Тут-то до меня и доходит, где я: Восточный Центр подготовки ВМС Земной Федерации, Новый Ньюпорт, остров Сумбава, идет последний экзамен перед выпуском, а выпуск – завтра.

– Последний вопрос вам, курсант, – не дает передыху Морж. – Тип капсулы – «Кайман-VI», глубина пять с половиной тысяч, погружение продолжается. Над вами противник. Данные бортового компьютера – на этой карточке. Ваши действия? На размышление одна минута, время пошло.

Краем уха слышу, как кто-то вполголоса пытается возразить Моржу: мол, этот экзамен по технике пилотирования, а не по тактике, – а Морж только отмахивается.

«Кайман-VI» я знаю плохо – устаревшая рухлядь, на них уже не плавают, – но на карточке такие данные, что и ребенок разберется: амба и каюк. Отбиваться нечем, уйти не удастся. Остается помереть с музыкой.

– Итак?

– Форсированно всплываю, непрерывно передавая сигнал о сдаче – на сверхдлинных и акустикой, кодом и голосом. Изображаю, будто оглох и не слышу указаний. Одновременно начинаю понемногу разгонять реактор, чтобы момент взрыва совпал с...

Меня перебивают:

– А тепловое пятно? Вас уничтожат раньше, чем вы всплывете на эффективную глубину.

– Очень возможно, – отвечаю, – но не наверняка. При хороших актерских данных шансы, по-моему, есть, а если противник не прочь рискнуть, то ему же хуже. Температуру обшивки в районе реактора можно уменьшить, переключив вторичные контуры охлаждения с внешних на...

– Тогда вы просто изжаритесь раньше времени.

Тем и кончилось. Поспорили они немного, дали мне девятнадцать баллов из двадцати возможных, щелкнул я каблуками и вылетел в фойе вольной пташкой. А там уже Петр ошивается, тоже только что с тренажера, следы от присосок на черепе массирует.

– Ну как? – спрашиваю его.

– Шестнадцать, – отвечает. – Плохо мое дело.

Да уж. Шансы остаться на Земле у Петра и раньше-то были невелики, а теперь подавно. Мне что, я свободен – а мой дружок женат, и сынишка растет.

Как он ответил, мне не понравилось. Рано нос вешать.

– Ерунда, прорвемся, – утешаю. – Где наша не пропадала. Ну, выпихнут на периферию, и что с того? Освоишься, семью к себе выпишешь. Пошли отметим, а?

И пошли мы. Сначала в «Южный Крест» – там уже полгруппы наших собралось, празднуют последний день курсантской жизни, ревут «Бултых на дно» кто во что горазд, а оркестр им пытается подыгрывать. Ну и мы тоже выпили, поорали со всеми, потом отделились и пошли по тем кабакам, где еще не были. Ноябрь месяц, солнце прямо над тыквой, и мы, как командос какие-нибудь, от пальмы к пальме – перебежками, перебежками! В тени перед Адмиралтейством на бордюре пораженцы сидят – это те, которые за союз с Лигой на ее условиях, – ждут вечерней прохлады, чтобы начать митинг, и никто их не гоняет, смотреть тошно. Ну да нам сейчас не до них.

Кабаков в Новом Ньюпорте неисчислимо, я ни в каком другом порту такого еще не видел и за два года вряд ли обошел даже десятую их часть, а Петр и того меньше. Выпили мы с ним в «Огненном коралле», потом пошли добавлять в «Снежный барс», в «Девятый вал», в «Кракен», в «Пиратский клад», а потом и еще куда-то. В одном месте подрались и одолели, только я не уследил и Петру нос расквасили. Он сделался совсем унылый, все бормотал себе под нос про сынишку и про свою Анну, да не надоест ли ей ждать, пока он устроится, и далее в том же духе. На него иногда находит такое настроение и только похмельем лечится. Клин клином, так сказать.

Ну вот, сидим это мы в не-помню-каком-по-счету баре, на коленях у меня девчонка ерзает попкой туда-сюда, а от Петра уже никакого толку, спит мордой во фруктовом ассорти, и вид у него несчастнее некуда, даже девочки отстали. Моей-то хоть бы что, хотя видно, что не профессионалка, а так – не прочь разок перепихнуться с курсантиком. Ну и я не пас.

Тут вижу: к стойке подходит – кто бы вы думали? – Морж собственной персоной. Правда, не в вице-адмиральском мундире, а в штатском, но все остальное налицо: стрижен ежиком, багровая шея, усы вислые, проволокой, живот вперед. Морж в штатском – примерно как эскимос в плавках, такая же редкость. Меня он, по-моему, не заметил. И видно, как бармен кивает ему, будто доброму знакомому. Ага, думаю, вот куда ты ходишь, дружок! – а у самого сожаление: эх, знать бы раньше! Полезное дело.

Домой я уже под утро попал. Продрых до девяти, выпросил у квартирной хозяйки таблетку от головы – и опрометью в Центр. Едва не опоздал.

Куда проще было бы провести церемонию виртуально, не вынимая нас из постелей после вчерашних подвигов, но в Центре свои традиции. Стоим строем в две шеренги, ждем. У большинства морды помяты, у Петра нос распух и под глазом заклеено. Это он уже без меня где-то продолжил, а может, его благоверная руку приложила. Ну, мое дело – сторона.

Все начальство тут как тут. За ним на стене табло, а на нем вишневыми буквами горят вакансии: «ЗЕМЛЯ: 11; НОВАЯ ТЕРРА: 7; КАПЛЯ: 48; МАЛЫЙ ЭДЕМ: 3; ПРОКНА: 9...» – ну и так далее. Всего вакансий двести шесть, по числу курсантов в нашем выпуске. Первым, естественно, выбирает лучший выпускник, затем второй, третий, а на долю последних выбора уже не остается – бери, что осталось, служи и не тывкай. Говорят, это очень древняя система и, по-моему, правильная.

Музыка звучит та еще, мурашки по спине бегают. У начальства вид торжественный. Стихла музыка. Кашалот речь сказал.

– Фредерик Гильберт Крамер! – вызывают первого.

– Мустафа Кемаль Файтах! – второго.

Оба, естественно, выбрали Землю. Не дураки же.

И тут вызывают третьего. Не меня. Вот это номер! Чувствую – вспотел. Я-то всегда был третьим – выше не лез, но и ниже не опускался. Неужто вчерашние 19 вместо 20 мне так подгадили? Да не может быть!

Четвертый – и снова не я. Да что же это на свете делается, а? Не бывает таких чудес. Пятый! Шестой!..

Как до одиннадцати дошло, так я и нервничать, и потеть перестал. А вот злиться начал. Вызывают меня двенадцатым. Среди тех, кто вышел раньше, дураков не нашлось – вакансии в метрополии расхватаны до последней. Гляжу, что осталось. В общем, ничего хорошего, но есть варианты просто плохие, а есть хуже некуда.

Вышел я, как положено, каблуками щелкнул. Сделал оловянные глаза, протарахтел:

– Курсант Филипп-Мария-Хосе-Фернандо-Лусия-Мигуэль-Хуан-Рикардо-и-Аугусто-Диего-Мануэль Альвело!

Схулиганил слегка, хватило бы одной фамилии, но уж больно злость взяла. Сразу тихо стало. То есть и было тихо, но стало тише некуда. Кое-кто из шишек поморщился, а Кашалоту хоть бы хны. Вытер он ладонь специальной тряпочкой, пожал мне руку, снова вытер и говорит:

– Поздравляю вас, лейтенант. – Тут адъютант подскочил, сует в меня знаками различия. – Назовите выбранное вами место прохождения службы.

А я, признаться, был настолько уверен, что останусь на Земле, что о других мирах как-то не задумывался. Слышал только разговоры, да на занятиях изучали тот или иной театр. А так, чтобы поговорить хоть с одним из отслуживших там – ни-ни. Так и не удосужился.

– Капля, – говорю наобум. Ну, не совсем, то есть, наобум, а с соображением. Не на Новой же Терре плавать в ихних канавах, там подводников за людей не считают и карьеры не сделаешь. Капля – иное дело, только там глубиннику и жить. Если бы какая другая планета дала сорок восемь вакансий, любой бы насторожился, а для Капли – нормально. Войны там, кажется, сейчас нет.

Виджу: ни одна из шишек не выразила удивления, значит, угадал. Один только Морж, как мне показалось, шевельнул легонько бровью, словно зачесалось у него там, а Кашалот уже гундосит свое:

– Поздравляю с выбором, лейтенант. Дальнейшее зависит от вас. Будьте достойны, а за Землей служба не пропадет. Удачных всплытий!

– Рад служить, – отвечаю уставно – и марш в строй. А Кашалот уже вызывает следующего.

В общем, дали мне пинком под зад – катись с Земли, не нужен. Дождались мы конца церемонии, прокричали гимн, посрывали с себя курсантские петлицы, как традиция велит. Петр оказался тридцать девятым и тоже выбрал Каплю. Остальные – кто во что горазд, один умник-камикадзе даже Малый Эдем назвал, совсем гиблое место.

Последнюю сотню курсантов выпустили не лейтенантами, а мичманами – ну так кто ж неволил учиться на глубинника, если ленив или глуп? Поделом. В какую лямку влез, ту и тяни.

Получили мы свое – и кто куда, не то что вчера. Кто удачу праздновать, кто горе заливать. Петерсен, последний в списке лейтенантов, ржет по-жеребиному; Бруцци, первый в списке мичманов, рыдает в голос, точно на его глазах тонет Апеннинский полуостров. Еле увели его. В Центре тихо стало, салаги попрятались. Прикрепил я в уборной перед зеркалом новые петлицы со знаками различия и эмблемой военно-морских космических сил, прицепил к поясу кортик – ничего, смотрится. Узнал, когда ближайший рейс на Каплю – оказалось, послезавтра, – забежал домой переодеться. Хозяйка только-только собралась повысить мне квартплату, поскольку теперь я лейтенант, тут-то я ее и огорошил: отбываю, мол, а через пятнадцать лет вернусь – вот тогда и поговорим. Красная она сделалась, но ничего мне не сказала, да и что тут скажешь. Притом видит: злой я, лучше не связываться.

Еле дождался я вечера – и тотчас в тот бар, где Моржа вчера видел. Сижу, от девочек отшучиваюсь, жду. Так и есть: появился – и сразу к стойке, будто намагниченный. Ну, дал

я ему принять пару стопок, чтобы разогрелся, а потом рядом подсел и выпивку на обоих заказал. Мне теперь можно, тем более вне службы.

Морж ничего, не отшил. Мужик он правильный, к курсантам зря не придирается, его у нас уважают. «Твое здоровье, – говорит, – лейтенант, оно тебе понадобится», – и выпил залпом, как у этих русских водится, палец понюхал, усами зашевелил. Потом спрашивает:

– Ты, сынок, сам-то откуда?

А я и сам не знаю, откуда я, какая у меня малая родина и какое мое настоящее имя. Заказал сразу бутылку кокосовки и объяснил ему, что пяти лет подобрали меня в Талькауано на развалинах после Большого Андского толчка, когда не то что дома – горы по макушку в землю проваливались и полгорода цунами смыло. По-испански я тогда ни слова не говорил, только на интерсанскрите, из чего следует, что турист, родных моих так и не нашли, ну а дальше – понятно – воспитательный дом, кадетская школа ВМФ, Икике, Исафьердур, Корсаков, а теперь вот Новый Ньюпорт.

– Корсаков? – оживляется Морж. Поговорили мы о Корсакове, тамошнее пиво я похвалил – чисто из вежливости. Рассказываю и знай ему подливаю кокосовку, а он себе в пасть опрокидывает, как заведенный.

– Ясно, – кивает. – Сирота, казенный кошт. У нас в Центре таких любят. То-то и гляжу, что на латиноса ты не похож, скорее уж среднеевропеец... Имен тебе в детдоме навешали?

Ну и пошел у нас треп. Вижу, доходит понемногу Морж до нужного градуса, и прямо брякаю: что, мол, за дела, отчего я обойден? Был третьим, стал двенадцатым, так почему, спрашивается, сразу не сотым?.. Хорошо, что вовремя остановился, а то чуть было не провало меня всерьез.

Морж посмотрел так, с прищуром.

– А «сынки»?

– Что, так много? – спрашиваю. И уже начинаю подозревать, что больше говорить не о чем. Адмиральские чада и прочие родственники – это святое. Привилегий в учебе им, конечно, не бывает, а вот в выборе вакансий... Коли «сынок» не полный дебил, свою «двадцатку» на выпускном экзамене он всегда получит, так что сиди и не чирикай, пока не упекли тебя куда-нибудь в Малый Эдем плавать в радиоактивных лужах.

– А что «сынки»? – супротивничаю уже из принципа. – Двоих знаю, нормальные, кстати, парни. Ну, может, еще пара-тройка наберется, кого не знаю, кто языком не трепал. Но не десяток же!

– Не все так просто, лейтенант, – отвечает Морж, и видно: знает что-то, а сказать не может. – Если тебе любопытно знать, я протестовал. Тебя это утешает?

– Вообще-то не очень, – говорю. – Но все равно спасибо.

– Пожалуйста. И вот тебе совет: не ищи справедливости, в лучшем случае найдешь целесообразность. «Сынки» полезны в одном: благодаря им на периферию иногда попадает кое-что стоящее. На ту же Каплю. Вот ты, к примеру. Федерация не внакладе. Удачных тебе всплывтий, лейтенант.

Допили мы с ним кокосовую, взяли тминной. Девочки давно потеряли к нам интерес, всего одна и сунулась, а Морж только рыкнул из-под усов – сдуло ее. Тут я и говорю:

– Ладно, замнем. Выбрал Каплю – и выбрал. Но вам-то почему это не понравилось?

– Кто тебе сказал? – бурчит Морж.

– Да никто. Показалось мне.

Он только опрокинул очередную, крикнул и соленого трепанга спросил. А я – была не была! – уняться не хочу, хорошему человеку надоедаю. Чего там, послезавтра меня здесь нет, отрезанный ломоть, а с Капли могу поплевывать хоть на Моржа, хоть на Кашалота, хоть на самого главнокомандующего.

В самом деле, Капля не худший вариант. Приличная планета, кислород, натурализации – химию организма ломать – не нужно, а что жидкая, так не беда, на то мы и глубинники, кого же там ценить, как не нас?

Долго я эту мысль развивал. Мол, тут меня, кроме привычки, ничего не держит, и еще неизвестно, кто окажется в выигрыше, я или «сынки». Мол, в земных океанах и не нырнешь как следует – дно повсюду. Мол, слабаки и в речках тонут, пугать меня нечего, не пугливый. Мол, половина нынешних адмиралов выслужилась на Капле, не где-нибудь. А не сделаю карьеры – вернусь через пятнадцать лет на Землю, куплю плот с садками – креветок выращивать...

Морж сначала лицом закаменел, потом гляжу – усмехаться начал, а потом сморщился так, будто я ему вместо тминной лимонной кислоты в стопку набулькал. Помолчал чуток и говорит мне вполголоса:

– Ты там для начала просто выживи. Был слух, что со следующего года пойдут ускоренные выпуски, специально для Капли. Не знаю, как в других Центрах, а у нас точно. Погружение – всплытие, всплытие – погружение. Торпедная атака. Ракетный залп. Полуторгового курса – и иди плавай. Вернее, тони.

– И «сынков» тоже? – интересуюсь.

– Нет, зачем же. Наиболее способных соберут в отдельный поток и – базовый курс. Ты ведь знаешь, кто у нас наиболее способные. Остальных – вслед за тобой. Капля уже не в первый раз требует раз в десять больше того, чем мы можем дать. Вот, решено пойти навстречу.

– Война? – спрашиваю я тоже шепотом, чтобы народ зря не пугать. Что-то не приходилось мне слышать о войне на Капле, хотя и мира там нет, конечно. – Земля решила взяться за Лигу?

– Почем мне знать, лейтенант. А тебе это не нравится?

– Нет, отчего же, – говорю. – Человечество должно быть единым, кто спорит.

Ничего он мне не сказал. Ни о Лиге, ни об Унии, ни о Разделении, хотя на Капле, сколько я знаю, это самая больная мозоль. А ведь мог бы сказать, у русских по этой части большой исторический опыт. Свою страну потеряли, другой не создали, и нигде их не любят.

– На всякий случай запомни: все может случиться. И еще: я тебе не говорил, ты меня не слышал, понятно?

Я киваю: понятно, мол, – а он трепанга жует, сок с усов слизывает и знай себе учит салагу-лейтенантика уму-разуму:

– Мне что – плевать. Старый Морж лежит на пляже, бока греет. Чего уставился? Морж и есть, думаешь, не знаю, как вы меня зовете? Выслуга идет, до пенсии год, чего еще желать? Я о себе думаю, и ты о себе подумай. Кстати, я забыл спросить: ты что, в самом деле собрался героически погибнуть, как трепался вчера на экзамене?

– Смотря в какой ситуации, – отвечаю, – а то и придется. Лучше бы, конечно, не пришлось.

– Ну и дурак, – говорит он, а я ушам не верю. Морж весь красный, глаза не на месте, набылчился – проняла его тминная. – Ответил, как учили, не спорю. По принципу нанесения противнику максимального удара... то есть урона... даже Кашалоту понравилось. Только вот что я тебе скажу, малыш: плюнь! Плюнь и ногой разотри. А если какой-нибудь хмырь начнет тебе втолковывать, будто идеи политиков стоят хотя бы одной человеческой жизни, – молча дай хмырю в морду. Не вздумай помереть ради чужих игр. Припрет по-настоящему – лучше сдайся в плен и сохрани себя, но никому не позволяй распоряжаться двумя вещами: твоими мыслями и твоей жизнью, ты меня понял?..

* * *

Вот этот-то разговор с Моржом я и припомнил, пока ко мне приближалась чужая капсула – сначала на полной скорости, затем сбавив ход до малого, так что даже видно было, как хищная водоросль метнулась к ней из глубины, попыталась присосаться и соскользнула под винты. Тут уже я разобрал, что это не совсем «Удильщик-IV», то есть не стандартный, а доработанный: обшивка другая, а над рубкой башенка для импульсного лучевика средней мощности. Само собой разумеется, чужие зоны никакой техники с Земли не получают с тех пор, как отделились, но ремонтные базы у них неплохи, до сих пор вон используют старье – наше, между прочим! – и даже совершенствуют.

Застопорился чужак носом к моему борту – рукой достать. А я стою столбом и не знаю, что делать. В шахтах у меня четыре тактические ракеты тридцатикилотонного эквивалента каждая, торпедные аппараты тоже не пусты, так что разгонять реактор в целях максимального урона противнику нет никакой необходимости. А только сунься я с палубы в рубку – вмиг сожжет. Личная пукалка, правда, при мне, но применить ее я всегда успею, тем более что чужака пукалкой не утопишь, против капсулы она пшик. Разве что застрелиться – но как раз это всегда успеется. Опять же: смущает Морж со своими советами...

Не очень-то он прав был, вот что я вам по секрету скажу. Нам, глубинникам, однажды показали трофейную запись допроса пленного – зрелище не для слабонервных. Флаг-офицер Людмила Прокопович прямо в просмотровом зале в обморок опрокинулась. Не думаю, чтобы и наша флотская контрразведка вела себя деликатнее с теми, кого захватили мы, все равно из какой они зоны. Поговаривают, правда, что сейчас в ходу гуманные методы, ментоскопирование или что-то в этом роде, – но с того не легче, итог все равно один: выпотрошат и ликвидируют. Из плена еще никто назад не возвращался.

Номер на борту капсулы: А-233, значит, чужак из зоны Лиги. Сумел проскользнуть незамеченным, поразбойничал в наших водах – и полным ходом к своим, пока не засекали, а узрел над собой беспомощного противника – рискнул всплыть, не побоялся ловушки. Не трус. Так я и думал, что он лигист. В эти воды капсулу из зоны Унии разве что случайно занесет, а Независимые здесь не появлялись, наверное, со дня Разделения – их зона на противоположной стороне Капли.

Смотрю, поворачивается ко мне бортом. Притянуло друг к другу оба корыта, проскрежетал борт о борт, запищали придавленные морские репы – автоматическая швартовка. Где репы не так густо выросли, там видно, что цвет капсулы сине-зеленый, как у северян принято. Никто не понимает, для чего они красят свои посудины в защитный цвет: для успокоения, что ли?

И вижу довольно отчетливо: этого мне уже не узнать никогда.

Тут на хребтине чужой капсулы с ржавым визгом сдвигается люк и подъемник выносит на палубу чужака. Человек как человек, напрасно нам ввали, будто в зоне Лиги люди подвергают себя глубокой натурализации и у них ласты да жабры отрастают. Ничего подобного. На вид парень моих лет, только чуть повыше и в ихней смешной форме. Ну да мне сейчас не до смеха.

Хорошо, что я к кобуре не потянулся – вовремя разглядел, что ствол лучевика на башенке глядит точно на меня. Сделал полшага в сторону – отслеживает. Двум пилотам в «Удильщике» делать нечего, значит, автоматика.

– Привет, – говорит чужак. – Загораем?

Акцент у него легкий, но заметный. Со времени Разделения прошло всего-то три десятка лет, а язык уже меняется, дробится на диалекты. Этак лет через сто совсем друг друга перестанем понимать.

Утонуть мне в луже, думаю. Какое мне дело, что тут будет через сто лет?

Кивнул я в ответ. Тут совсем чудные дела пошли: перепрыгнул чужак ко мне на палубу, на меня ноль внимания, осмотрелся, ногтем обшивку поколупал. Буркнул только сквозь дыхательный фильтр: «Здесь стой», – и шаст в подъемник.

Ну, стою. Дрожь, признаться, во всем теле, и по спине пот бежит. Лучевик с башенки мне в лоб направлен: мол, хочешь еще пожить – не дергайся. Знакома мне эта автоматика, надежней ее ничего нет. И даль моей карьеры, как говорится, видна совершенно отчетливо: усыпленным или обездвиженным путешествовать к лигистам – до границы зоны Федерации часов семь хода в кавитационном режиме; между прочим, по пути не раз утопить могут, – а дальше уж как повезет, при хорошем поведении в плену есть шанс умереть без особых мучений. Может, думаю, лучше сразу цапнуть кобуру и получить луч в голову?

И надо бы – а не могу. Шансов нет, а человек еще на что-то надеется, так уж он по-глупому устроен. Инстинкт самосохранения для зверья хорош, а человеку он сплошь и рядом во вред, на то мы и цари природы.

Само собой разумеется, это я уже после додумал, а под стволом лучевика мысль одна: прямо сейчас тебя отправят к праотцам или чуть погодя? Не знаю, сколько времени я так простоял, пока чужак в моей капсуле хозяйничал, как у себя дома. Потом гляжу – вылез он, пылинку с рукава стряхнул и говорит: «Ну, бывай», – а сам перепрыгнул на свою палубу, сделал мне ручкой и сгинул, только люк за ним лязгнул. Отошла его сине-зеленая посуда на кабельтов и погрузилась, как ее и не было. Только водовороты закружились.

Ну и дела, думаю себе. Понимаю прекрасно, что ничего еще не кончилось, а все-таки легче на душе стало. Кинулся вниз – там порядок. И с реактором порядок, и с торпедами, и со связью все то же самое – нет связи, «мозг» на три четверти сдох, в чем чужаку и надо было убедиться, как я понимаю. Посторонних предметов в рубке не наблюдается. Прогнал тест – все по-прежнему. Скрипнул зубами, надел шлем – сразу ослеп и оглох, то есть и тут без изменений.

С час, не меньше, я вычислял, что же он тут без меня делал, искал подвох. Не нашел. Неужто отпустил меня? Не взял пленного, не соблазнился записать на личный счет уничтоженную капсулу? Станный нынче пошел вероятный противник, загадочный. Понимаю, конечно, что в его воле отойти подальше от греха и оттуда долбануть меня торпедой, но что-то говорит мне, чтобы я зря не трепыхался. Не будет торпеды. Уж если на то пошло, ничто не мешало ему тихо-аккуратно пустить меня к Вихревому поясу лучевиком, а вот – не пустил.

Еще через час выбился я из сил, ничего не нашел, ни до чего не додумался и тут обнаружил пропажу. Что бы вы думали пропало? Исторический роман из книги! Книга пуста, вкладыша с романом нет. Так я и не дочитал, как де Ренси полечил маркиза от спеси своей верной бензопилой и что в это время поделявали его закадычные друзья Жан де Бюст и Пьер Гудрон. Признаться, несколько не пожалел об этом, зато над чужаком посмеялся вволю. Видно, совсем бедолагу скука заела. Ну, пусть себе читает, я не против.

А время знай себе идет, вот уже солнце зенит прошло – самые противные часы. Жарко, сил нет, небо очистилось, на море взглянуть больно. Внутри капсулы полегче, но тоже не курорт. Купаться – кто как, а я пас. Хищные водоросли еще не самая главная гадость, а вот облепит тебя стая крыля – «мама» сказать не успеешь, второй слог обглоданный скелет договаривает, если сумеет. Жуткие твари. Словно мстят человеку за то, что сами съедобны и мы их ловим.

Плеснул я себе в лицо из опреснителя – чуток полегчало. Мое счастье, что на экваторе сутки короткие, всего-навсего восемнадцать часов, перетерпеть можно. Вот в средних широтах, где Поплавок, там часов до двадцати пяти доходит и даже больше. Правда, в умеренных широтах и солнце умеренное, а чаще сплошная облачность в пять слоев.

Из-за этого зонального вращения, между прочим, трудности с навигацией и неясность с временем суток. На Поплавке то и дело спускают команду: перевести на час вперед или там назад – Поплавок тоже не стоит на месте, якорь на Капле зацепить, понятно, не за что. Правда, поговаривают, что есть-таки у планеты маленькое твердое ядро из сильно слежавшихся метеоритов и затонувших подлодок, но кто может знать, что лежит глубже Вихревого пояса? Лет пять назад одна экспедиция из метрополии опустила на пятьсот километров один шибко умный аппарат – только его и видели. Чем тратить зазря технику, лучше бы им поговорить со знающими людьми и сразу понять: дохлый номер.

Лично я думаю, что никакого ядра у Капли нет, а то, что тонет, растворяется там, где рождаются желтые приливы. И почти все глубинники того же мнения.

Сижу я, жду. День к вечеру склонился. Еще две галеты я съел, всю сегодняшнюю норму, и на нервной почве не утерпел – слопал половину нормы завтрашней. И уже поругивать начал чужака с А-233, за которого, по идее, век бога молить обязан! Мол, сделал он вид, будто никакой встречи не было, ушел к своим – а я тут подыхай?

Плеснул я себе в лицо еще пригоршню, чтобы прогнать скверные мысли, губу укусил до крови. Я бы на его месте отпустил чужака? Держи карман. Еще гордился бы поощрением. Чего там, вполне мог бы досрочно получить капитан-лейтенанта, служить на настоящей субмарине, а не на этой долбаной блохе. Денежная премия тоже вещь полезная. А он – отпустил! Капсула А-233, вовек не забыть. Да я, если повезет нам встретиться, все для него сделаю – плевать, что он вероятный противник! Умру, а сделаю. Клянусь.

Подумал я об этом, и сразу как-то легче стало на душе. Словно какой-то обет дал перед богом и людьми – самому смешно, а факт. А через час, уже на закате, меня наконец подобрали.

Глава 2

Давным-давно, как взрослые учат детей, которые когда-нибудь займут их место и тоже станут учить, во Вселенной был лишь один закон, космос был велик и обилен, и человек попирает стопой своей никак не менее ста пятидесяти миров. И был мир в мирах, и мир царил в сердцах человеческих.

Один из миров – Капля – даже не был миром в полном понимании этого слова – он был пересадочной станцией. Но и тут человек жил, трудился, любил, был или не был счастлив, мечтал или не мечтал вернуться на родную планету, старился и в конце концов умирал, оставив после себя дело рук своих и – иногда – детей. И дети, родившиеся на Капле, уже считали жидкую планету своим домом.

Много, очень много лет прошло с тех пор, как на планету был опущен первый самоходный плот-причал. Остатки его не сохранились. Первопроходцы не задумывались о том, что своими руками делают историю. Уже два поколения спустя любой обрывок судового журнала, любой изъеденный желтым приливом болт с тех первых исторических посудин считались общим достоянием колонии и подлежали музейному хранению.

Любопытный транзитный пассажир, коротающий время от рейса до рейса, непременно осмотрит музей – разумеется, в случае, если не найдет поблизости ничего более интересного. Целый зал музея посвящен созданию на Капле плавучего грузопассажирского терминала, первого из четырех, и, надо отметить, терминал того стоит. Кстати, музей находится как раз в нем, в секторе Альфа, на двадцатой палубе, если считать сверху, и на четыреста седьмой, считая от ватерлинии.

Изрезанный уступами полуторакилометровый усеченный конус, насаженный на опрокинутую вниз полусферу километрового радиуса – вот что это такое. Стандартная ватерлиния терминала проходит точно по линии сопряжения двух фигур, отчего подводная полусферическая часть всегда скрыта под толщей вод и видна только на музейной модели. Издали терминал напоминает громадных размеров бакен.

Его обитатели дали ему более ласковое имя: Поплавок.

Он мог двигаться, избегая встречи с желтым приливом, бороться с течениями, штормами и водоворотами, даже нырять. Принимая и отправляя грузовые ракеты, он становился похож на действующий вулкан в океане, и факелы огня выедали бреши в облаках над вершиной конуса. Его системы управления, защиты и регенерации считались совершенными, живучесть – феноменальной. Для своего времени он был, пожалуй, чудом света – неважно каким по счету.

Прежние плоты, плавучие доки, транспортные баржи не были уничтожены и даже размножились – Поплавку требовалась техническая поддержка, а людям – пища, работа и развлечения. Человек не собирался уходить с Капли, он завоевывал ее всерьез.

Не безумно дорогие и капризные в управлении всепространственные крейсера – обыкновенные туннельные посудины, иногда просто самоходные баржи вываливались из жерла стабильного Канала «Земля – Капля» в миллипарсеке от планеты. Вскоре корабль зависал над Каплей, обмениваясь с Поплавком челноками с транзитными пассажирами, сбрасывая в океан плавучие «утюги» с невозвратными грузами, предназначенными для Капли, и торопясь уступить место следующему судну. И так было и длилось много лет.

Наконец случилось то, что должно было случиться: Поплавок перестал справляться с возросшим грузопотоком. И тогда, чтобы разгрузить его, были построены три систера Поплавка вдвое меньших размеров.

Наверное, лучше было этого не делать.

Что есть благодарность человеческая? Нет ее и никогда не будет, а благодарности потомков тем более. Многие колонии землян были основаны на чрезвычайно удачных, с человеческой точки зрения, планетах – иные из них оказались более удобными и богатыми, чем сама Земля. И не успели колонии как следует встать на ноги, а пионеры-первопоселенцы дожидаться второго поколения своих потомков, как поползли шепоты об отделении от метрополии и провозглашении независимости.

Управление по делам колоний при правительстве Земной Федерации реагировало так, как и должно было реагировать: игнорируя шепоты, принимало меры, как только дело доходило до криков, лозунгов, бунтов и гражданского неповиновения. Курс колониальной политики стал модным в привилегированных университетах; специалисты ценились. Административные меры, принимаемые к строптивцам-колонистам, чаще всего сводились к укреплению администрации колоний, экономическому кнуту (реже – прянику), угрозе военно-полицейской акцией по наведению порядка, демонстративной и не всегда экономически выгодной поддержке лояльных режимов и разобщению оппозиции – иногда, если верить слухам, вплоть до устранения наиболее опасных ее лидеров. Но лучше, конечно, слухам не верить.

Привычный, хорошо зарекомендовавший себя, исторически проверенный набор.

Отлаженная система безупречно работала три столетия. Человек шагал с планеты на планету, мир и процветание царили в освоенной части Вселенной. Субпространственные Каналы, как стабильные, так и виртуальные, не успевали пропускать грузопотоки. Казалось, метрополия построила прочнейшую плотину, мешавшую мелким волнам сепаратизма превратиться в наводнение.

Но никакие плотины не вечны. И не всякая плотина устоит перед цунами.

Желающего узнать, как и почему Управление по делам колоний прохлопало образование Лиги Свободных Миров – организации вначале тайной, а затем и вполне явной, следует отослать к террикону литературы, написанной на эту тему, от рассекреченных документов, снабженных комментариями историков, до авантюрных романов. Для метрополии это было громом среди ясного неба.

Почти тридцать лет длились локальные войны. Обладая колоссальным преимуществом в средствах и живой силе, Земля не была готова вести войну на полное уничтожение противника, а без этого условия победа оказалась невозможной. Метрополии с ее немногими сохранившими верность колониями и доминионами пришлось уступить.

Сплотившись за годы войны, первоначальная Лига все же оставалась довольно рыхлым образованием. Десятки причин – экономических, космографических, политических и иных – привели к тому, что от первоначального оппозиционного содружества стали откалываться целые группы планет. Одно время казалось, что Лига сама собой распадется на ряд мелких союзов.

Этого не произошло. Часть планет, достаточно ничтожных для того, чтобы не имело смысла их присоединять, осталась независимой, часть попросилась обратно в Лигу, иные предпочли вернуться под юрисдикцию Земли. Из временных коалиций уцелел лишь один союз, более слабый, чем Лига, – Уния Двенадцати Миров.

Со временем процесс тяготения земных колоний к Лиге замедлился, но не иссяк. Вспыхивали бунты и восстания, нудно тянулись кампании гражданского неповиновения, подчас удавались военные перевороты. Вялотекущие гражданские войны рубили планеты демаркационными линиями. Случалось, что одна и та же, притом далеко не самая благодатная планета оказывалась поделенной между Землей, Лигой и Унией.

Именно так произошло на Капле.

И Лиге, и Унии требовалась своя база на скрещении торговых путей. Строительство сразу трех плавучих терминалов – трех «меньших братьев» Поплавка колоссально облегчило задачу. Зачем строить, если можно отнять?

Андроид-экскурсовод понижал голос, рассказывая о печальных днях Разделения и последовавших годах войны за восстановление единства, потребовавшей больших жертв и не принесшей успеха.

Правительство Земной Федерации запоздало как с оценкой ситуации, так и с карательной акцией – сепаратисты же, не только подстрекаемые Лигой и Унией, но и активно снабжаемые всем необходимым, захватив меньшие терминалы и часть флота, оказали упорнейшее сопротивление. Не вступая в крупные сражения на море и в воздухе, били исподтишка. О несчастной попытке штурма одного из малых Поплавков в зоне Федерации старались не вспоминать.

За землянами осталось Южное полушарие. Северное было поделено на три равные зоны – на три, а не на две, поскольку к середине войны обозначилась еще одна сила – нечто вроде пиратской вольницы, вступавшей в союз то с землянами против Лиги и Унии, то с Лигой и Унией против землян. В конце концов на глазах обессилевших противников образовалась Независимая зона со своим Поплавком, военным флотом, плавучей инфраструктурой и закрепленной мирным договором акваторией – зона, не поддерживаемая извне, но, против всех ожиданий, оказавшаяся жизнеспособной.

И потянулись годы.

Теперь через Поплавок зоны Федерации проходила едва четверть довоенного объема грузов. Изыскивая новые торговые пути, Земля одновременно обновляла космофлот. Едва выскочив из Канала, корабль уходил в новый субпространственный прыжок, минуя Каплю; лишь старые и особо громоздкие посудины с малой дальностью хода продолжали пользоваться старой перевалочной базой, да еще приходили суда, предназначенные собственно для Капли, груженные продовольствием, оборудованием, специалистами и военной техникой, необходимой для поддержания акваполитического равновесия. Жизнь не замерла – но она и не развивалась.

По-прежнему летит по орбите Капля, делая оборот за два земных года, жгуче светит белая звезда, по-прежнему белеют полярные шапки плавучих льдов, а в тропиках бушуют тайфуны, по-прежнему непостижимы причины внезапных водоворотов, странных гроз и желтых приливов. Приезжие специалисты отрабатывают срок контракта, иные обзаводятся семьями и остаются навсегда. Немало людей помнит и Разделение, и войну, немало нынешних стариков держало пальцы на кнопках пуска торпед. Наверно, многие из них умрут, не дождавшись справедливого наказания предателей-северян и объединения Капли. Это горько – умереть, не дождавшись справедливости.

Но возмездие придет. Рано ли, поздно ли – оно придет неизбежно и неотвратимо, и гнев господень направит карающую руку Земли против отступников.

Раскаявшихся можно простить. Упорствующие во зле пожнут лишь зло. Иначе не может быть. Иначе не бывает. Иначе не будет.

Неотвратимо. Непреклонно. Не ведая страха.

И не станет зон и границ.

Так говорили детям взрослые, которые сами когда-то были детьми, которым взрослые говорили почти те же слова, которые не вызывали сомнений.

И дети слушали.

* * *

Субмарин такого класса в зоне Федерации насчитывалось всего три: «Черный Ворон», «Черный Баклан» и «Черный Стерх». Многоцелевые, весьма быстроходные, вместительные, прекрасно вооруженные, эти суда, равно пригодные для войны и мира, часто использовались командованием как поддержка в неплановых ситуациях, и, понятно, ни одно из них не входило в четвертый патрульный отряд, равно как и в другие отряды погранфлотилии.

«Черный Баклан», имея на борту подобранную капсулу, шел в походном положении курсом зюйд-зюйд-вест и, судя по вибрации корпуса, развивал не менее пятидесяти узлов. Филипп успел вымыться, хорошо поесть и выспаться. Радость от внезапного спасения, вначале искренняя и полновесная, успела куда-то улетучиться. Теперь он сидел на койке в тесной каюте, принадлежащей, по-видимому, одному из младших офицеров, и тщетно пытался разобраться, что все это значит.

«Черный Баклан» в опасных приграничных водах – явление само по себе редкое, неестественное, чтобы не сказать невероятное. С потерей боевой капсулы можно смириться – потеря такой субмарины чревата нарушением баланса сил между зонами. Стало быть, происходит нечто неординарное... А вот что? Вопрос. Война не война – а какое-то странное шевеление, подозрительная заварушка местного масштаба. Только лишь для подбора потерявшей ход капсулы «Баклана» не пошлют. Погоня за чужаком? Тоже нет. Ладно, высшая стратегия нас не касается, тут чем меньше знаешь, тем крепче спишь, Адмиралиссимуму виднее. Но очень уж занятая получилась встреча!

Филипп похмыкал. Да уж, занятнее некуда. О том, что субмарина специально искала капсулу, нетрудно догадаться, – искала и нашла, капсула не иголка, хороший корабельный локатор возьмет ее со ста миль, несмотря на антирадарное покрытие. Но почему они так опешили, увидев человека? Попытались скрыть растерянность, но ведь было же видно. И почему ни капитан, ни кто-либо из офицеров субмарины не удостоил спасенного беседы? Отнесли, будто к чумному...

Весьма странно.

Кстати, еще один вопрос: какого рожна за дверью каюты поставлен часовой?

Проверим...

Филипп решительно пересек каюту. За узкой дверью оказался даже не матрос – капрал корабельной полиции.

– Стой. Назад.

Филипп поднял бровь. Пожалуй, чуточку картинно.

– Забываетесь, капрал. Освободите дорогу.

– Назад. Не велено.

– Ага, – сказал Филипп. – Понимаю. – Он ничего не понимал и очень старался не злиться. – А кем не велено?

– Сказано тебе: не велено – и все. И разговаривать тоже не велено.

Филипп хмыкнул.

– Ты со мной уже разговариваешь. Если я не арестован, пшел вон. Если арестован – вызови офицера, недоумок.

– Не велено.

– Может, и в галюн не велено? – ядовито осведомился Филипп. – Мне прямо тут лужу сделать?

Капрал подумал. Затем достал из кармана маленькие наручники и ловко защелкнул их на запястьях Филиппа.

– В галюн можно. Иди вперед, лысый. Только без глупостей.

Филипп пожал плечами и двинулся в указанном направлении. Лысый, проговорил он про себя отвратное слово. Обидно. Экий гад, капралишка... И не лысый вовсе, а так – редуют волосы, оголяется лоб. Что с того? Со всяким бывает. Вроде бы не облучен – просто неудачные гены.

Капрал сопел позади. Свернули раз, другой, третий и добрались до искомого места сложным зигзагом.

– Вон туда, только живо.

– Уж как умею...

Он занес ногу, якобы намереваясь переступить через комингс, и, ухмыльнувшись, поставил обратно.

– Ты что?

– Я раздумал.

На лице капрала явственно читалось желание огреть строптивца побольнее. Но, видно, и это было ему не позволено. Наконец он выругался, вложив в немудреные слова всю закоренелую ненависть полицейского к военному. Филипп с удовольствием прищелкнул языком:

– Красно говоришь, век бы слушал. Между прочим, ты забыл сказать мне спасибо.

– За что?

– Как за что? За выдумку. И мне променаж, и тебе развлечение. Нет? Небось надоело столбом стоять.

Капрал поставил его лицом к коридору и сильно толкнул промеж лопаток.

– Вали обратно, придурок. Не был бы ты важной птицей – узнал бы у меня, что такое развлечение...

В этом как раз можно было не сомневаться. Филиппу не приходилось еще слышать о судне, на котором команда и корабельная полиция жили бы душа в душу. Особенно на Поплавке. Не одному зеленому офицеру, бывшему курсанту, еще не привыкшему к мысли, что Капля – это совсем не то, что он думал, а пятнадцать лет службы на Капле – совсем не пятнадцать лет спокойного плаванья в земной гидросфере, после закономерного дебоша в баре и конфликта с полицией приходилось лечить почки. Тому же Петру. Зато и полицейским иной раз удавалось нечаянно поскользнуться на палубе и сорваться в океан, причем почему-то особенно часто в тех случаях, когда поблизости замечалась хищная водоросль или облако криля.

Двинуть скованными руками капрала по голове и пойти потребовать объяснений? Подумав, Филипп отверг эту мысль. «Не был бы ты важной птицей...» Тут какое-то глупое недоразумение, точно. Ну так пусть оно разрешится само собой.

Капрал никак не мог замолкнуть – нудно бубнил, держась на шаг позади. Перечислив личные качества Филиппа, пошел по генеалогии его предков. Филипп лишь ухмылялся, не оборачиваясь.

Бездельный тщедушный матрос – как видно, свободный от вахты – торчал в коридоре, подпирая переборку, и дымил разрешенной безникотиновой соломой в решетку регенератора воздуха. Корабельная крыса вышмыгнула из какой-то отдушины справа – настоящая земная крыса, серая. Ища укрытия, зигзагом промчалась по коридору, шмыгнула за угол. Матрос, выпустив кольцо дыма, лениво подставил подножку гнавшемуся за нею андриду-уборщику – тот, очевидно опытный, ловко перескочил через выставленную ногу.

Оказавшись в каюте, Филипп повалился на койку, разминая натертые наручниками запястья и улыбаясь. В Центре на Сумбаве было полно крыс, особенно в хозблоках, что и понятно. Курсанты устраивали на них облавы по всем правилам тактики, били пищащих тварей швабрами и ножками от стульев, заключали пари на то, кто скольких убьет. И, разумеется, не думали о том, что пройдет год – всего один земной год! – и обыкновенный пасюк начнет вызывать сладкую ностальгию.

Черт с ними, с крысами. Было – и забыто. Филипп посопел, сердясь на себя, отгоняя воспоминания. Что означает этот домашний арест, хотелось бы знать? Ничего не выяснил, зря раздражил часового...

– Эй, капрал! – наудачу крикнул Филипп. – Давно в походе?

– Не твое собачье дело.

В двери каюты, лязгнув, защелкнулся замок – капрал не хотел случайностей.

– Попросишься ты у меня теперь в галюн...

А ведь и верно, сообразил Филипп. Интересно, когда у него смена? Он с беспокойством посмотрел на часы.

Ну нельзя быть таким дураком! Нельзя!

До постыдного конфуза не дошло – страж узилища сменился через три часа. Новый часовой, совсем молодой парнишка без нашивок, по-видимому, до полусмерти боялся арестованного, однако без возражений снизошел к просьбе. Улучив удобный момент, Филипп повторил вопрос намеренно равнодушным тоном.

– В походе-то? – озабоченно переспросил парнишка. – Не, сутки всего. А до того на Пятнадцатом контрольном проторчали девять дней. Скучища... – Тут до него начало доходить, и он встрепенулся. – Эй, ты не болтай! Не велено.

Повторять не пришлось – Филипп больше не разговаривал. Он сосредоточенно думал.

* * *

...А подумать мне было о чем, точно говорю. Этот нервный парнишка-полицейский сам не понял, какой информацией меня снабдил. Пятнадцатому контрольному, равно как и остальным двадцати трем постам, как раз и полагается находиться в дрейфе между экватором и тропиком, тут вопросов нет. Одного я не подозревал: что он так близко. Сутки экономического хода туда и обратно – расстояние плевое. Выходит, пока я болтался посреди океана, как что-то в проруби, «Черный Баклан» торчал на приколе всего-навсего в тысяче двухстах милях от меня! Что особенно интересно, торчал все девять дней моего дрейфа, ни днем больше, ни днем меньше.

Стоял без движения. А я, простак, выпускал маячки – на таком расстоянии это все равно что по часу в день кричать в ухо. Не слышали? Рассказывайте сказки детям. Надоел я им воплями о помощи, зверели операторы, затыкали уши... Услышали, но не шевельнули и пальцем, чтобы помочь.

Почему?!!

За чужаком из зоны Лиги «Баклан» не гонялся, это точно. Может быть, тактика заключалась в том, чтобы не дать себя обнаружить? Что с пришвартованной субмариной, что без нее, контрольный пост выглядит на гидролокаторе одинаково, мне ли не знать.

Гм. Разумнее было бы утопить чужака, я так считаю. Я бы утопил – до нашей встречи, естественно, и на исправной капсуле. Или он меня. Притом «Баклан» не капсула, а мухобойка для таких насекомых, как этот чужак с А-233, – пришлепнул бы первым залпом. Остается предположить, что они вообще не заметили чужака...

Трудно поверить. Более того: полный бред! Хоть режьте меня, хоть ешьте с хреном, а я не верю! Чужаку просто-напросто дали спокойно уйти, не нервировав его излишне, не наступая на пятки. Иначе он не обнаглел бы настолько, чтобы всплыть рядом с дрейфующей капсулой, которая вполне могла оказаться приманкой...

А если она и была приманкой?

У меня аж пот по спине побежал от такой мысли. Выходит, подставили меня? Ну допустим. Очень похоже. А с какой целью? Вот этого, боюсь, мне никогда не узнать, пути командования неисповедимы... Но попытаться стоит. И главное: почему ловушка не сработала?

Арестов таких, между прочим, тоже не бывает. Ограничение свободы, однако, налицо. Похоже, те, кто все-таки соизволил подобрать в море лейтенанта Альвело, сами толком не знают, что делать с подобранным.

Туман, как за Полярным кругом. Ничего не понять, да и не моего ума это дело.

Тут я себя обозвал по-нехорошему. Перегрелся на солнышке, точно. Как это не моего ума? А чьего же? Кого бросили подышать посреди океана – не меня? И кто-то за это крепко ответит, или я не я буду. Нашли дурачка. Не знаю пока, кто вы такие, но лучше вам было вовсе меня не подбирать, вот что я вам скажу по секрету.

Подумал так – и вроде как с души отлегло, а все равно больше ничего не придумалось, только мозги заныли от напряжения. Плюнул я и задремать собрался, как вдруг чувствую толчок. Так и есть, швартовка.

Пятнадцатый контрольный – это просто самоходный круглый плот, большая плавучая сковородка посреди океана. Причалы, таможня, флайдром, метеослужба, океанографическая лаборатория, склады, десяток ракетных шахт на всякий случай – все в одной упаковке. Плавает плот медленно, ныряет плохо, но от желтого прилива или, скажем, от тайфуна, пока он еще не тайфун, а тропическая депрессия, уйти способен, благодаря раннему обнаружению, а серьезный гидросейсм – это уже судьба, никуда не денешься и не стоит заранее дергаться. Иные глубинники из погранохраны коротают время на таких плотках в перерывах между патрулированием, иногда по приказу, чаще по собственному выбору – это, как я понимаю, те, кому Поплавок до смерти надоел.

Ну, ждать пришлось недолго – наружу меня не вывели, а вот визитер ко мне явился. Довольно молодой, бледный и весь какой-то вялый, как вышедший наружу глист. Я сразу решил, что он не здешний, а с Поплавка, причем из самой сердцевины – месяцами солнца не видит.

Присел на койку, представился:

– Капитан-лейтенант Андерс, оперативный отдел штаба погранфлотилии. Расскажите, что с вами произошло.

– Дайте бумагу, напишу рапорт.

Он улыбнулся – одними губами. Знаете, как улыбается мертвец? Я до той минуты тоже не знал.

– Разумеется, рапорт вы напишете. Но я прошу вас рассказать просто, своими словами.

Рассказал я ему. И про чужака с А-233 не утаил – сообразил, что нет смысла. Глист слушает и знай себе кивает с такой ленцой, будто сейчас заснет.

– Понятно, – говорит. – Теперь, пожалуйста, изложите еще раз подробности бомбежки.

– Значит, так, – излагаю. – Глубина была восемь тысяч четыреста, словом, в пределах рекомендованного для патрулирования коридора. Сонар ничего постороннего не показывал, помню твердо. Режим cerebroуправления отключен не был. Рвануло сначала справа, потом сзади, потом подо мною.

– А потом?

– Валялся без сознания. А как пришел в себя...

– «Маячки»?

– Выпустил все до единого. Неужели не засекли?

– Засекли, не волнуйтесь. Вероятный противник, надо полагать, тоже засек. Вы не находите, что вам повезло в том, что вы сейчас разговариваете со мной, а не с контрразведчиком Лиги? Почему вы не погрузились?

– Посмотрите на мою капсулу, тогда поймете, – отвечаю. – Уж поверьте, болтаться в дрейфе на поверхности нет никакого удовольствия – ночью духота, днем жара, смерчи ходят. И во всякое время суток ждешь желтого прилива.

– Ясно, – прервал Глист. – Ну а что вы сами думаете?

Сделал я удивленные глаза, а рожу тупую-тупую.

– Что тут думать? Тот нарушитель меня и долбанул, кто ж еще. Я его капсулу разглядел – переоборудованный «Удильщик». Всех дел – глубинные тактические боеголовки вместо простых да сонар помощнее, чтобы издали и безнаказанно... Я бы сам на такой посудине поплавать не отказался.

– Возможно, поплаваετε на чем-нибудь получше. Вы ведь у нас всего год, верно? Значит, все впереди... Да, еще один вопрос. Как вы думаете, почему он не попытался захватить вас в качестве пленного?

– Пожалел, наверно, – пожимаю плечами. – Хороший человек.

– Вы думаете?

– Сам удивлен... А что, много он дел натворил в нашей зоне?

– Достаточно, – цедит Глист. – Было у нас одиннадцать пищевых комбинатов, стало десять.

– Вот гад, – говорю. А сам думаю, что те, из Лиги, вовсе не идиоты – знают, где укусить побольнее. Не польстились ни на контрольный пост, ни на плавучий док, который тоже где-то в этих водах обретается, – долбанули пищекомбинат! Ничего умнее для снижения боевого духа не придумать – вон Петру уже два раза отказывали в просьбе выписать сюда жену и сына по причине переизбытка едоков. Откажут и в третий.

Посмотрел на меня Глист: мол, искренне я возмущен или так себе. Кажется, остался доволен.

– Как ваше самочувствие?

– Прекрасно. Вот только не выпускают отчего-то.

Опять он улыбается.

– Не берите в голову, это простое недоразумение. Надеюсь, вы не в претензии?

– Нет, конечно, – смеюсь. – Не был бы под арестом, мне бы, поди, дело нашли. А так отдохнул.

Тут его улыбка стала прямо-таки лучезарной. Жуткое зрелище.

– Очень хорошо, – говорит. – Полагаю, на Поплавке вы получите новую капсулу. Собирайте пока вещи. И последний вопрос... Не отказались бы вы пройти ментоскопирование в лаборатории при оперативном отделе? Нас интересует ваша встреча с чужаком. Понимаете, кое-какие мелкие факты, детали, которые вы сейчас не можете вспомнить, но лежащие в подсознании... Сугубо добровольно, разумеется. Само собой, вы можете положиться на нашу скромность в отношении тех подробностей вашей жизни, которые нас не касаются.

Ага, думаю, всю жизнь мечтал. Сплю и вижу, как бы дать кому в моих мозгах покопаться, я этого и в Центре не терпел, хотя скрывать мне особенно нечего. Хотя куда денешься? Не гражданка и не Земля – служба и Капля. Меньше забот согласиться, пока добром просят.

– Пожалуйста, – говорю. – А это не вредно?

Не утерпел, изобразил простофилю. Так даже удобнее. Еще раз улыбнулся Глист:

– Абсолютно безвредно и безболезненно. Ну, через двадцать минут жду вас на флай-дроме.

Как он ушел, мне сразу легче стало, и вроде бы даже воздуха в каюте прибавилось. Личного барахла у меня самый мизер, рассовал я его по карманам – и на волю. К трапу не пошел, конечно, как штабной какой-нибудь или штатская слякоть, а без разбега перемахнул с палубы «Баклана» на пирс, да так, что кто-то за моей спиной аж присвистнул. Красиво прыгнул, знай наших. Только у нас в четвертом отряде да еще, пожалуй, в морской пехоте так умеют, а у кого поджилки трясутся, тот и в постели с госпожой контр-адмиралом не сумеет себя мужиком показать, и того слабака наша Джильда быстренько спровадит куда-нибудь во Вспомогательный флот.

Топаю себе по плоту к флайдрому, жизни радуюсь, металл под каблуками звенит. Пятнадцатый контрольный – место знакомое. Обхожу, значит, садки с крилем – по части продовольствия Пятнадцатый пост наполовину на собственном обеспечении, – а в одном из садков вода просто кипит, пена шапкой взбита. На этих рачков иногда нападает какое-то безумие, хотя непонятно, с чего ему взяться, у них и мозгов-то нет. Тут один рачок, ну окончательно полоумный, выскакивает из садка, перелетает через сетку – и шлеп прямо мне под ноги. Взял я его за усы осторожненько, чтобы полпальца не отъел, хотел было обратно в садок кинуть – и краем глаза замечаю: мимо садков в мою сторону рысью чешет тот самый полицейский капрал. Надо думать, получил увольнение, поскольку явно стремится не ко мне, а к бабской общаге, и видно: по хамской привычке отдавать мне честь не собирается. Ну, это судьба.

– Подержи, капрал, – говорю я и, пока он не успел сообразить, сую ему в руку рачка, а сам топаю дальше. Ох, и вопил же он! Впрочем, поделом.

Добрался я до флайдрома и слегка обалдел. Конечно, я думал, что прислали за мной транспортную платформу или еще чего похуже, на чем до Поплавка трястись суток двое с промежуточными пересадками, – ан не тут-то было. Двухместный учебный флайдарт-«с-парка», не больше, не меньше, а рядом с ним слоняется капитан-лейтенант Андерс, ручкой мне машет – шевелись, мол, – и в шлеме даже не очень на глиста похож. Ничего себе, думаю. За что глубиннику такая честь?

Лететь на флайдарте, я вам доложу, одно удовольствие. Субкосмос, чернота за стеклом фонаря, звезды ярчайшие, каких ни с Земли не увидишь, ни тем более с Капли в погожий день, а между ними над головой светляками грузовики ходят, то ли наши, то ли северян – не поймешь.

У флайдарта cerebroуправление не такое, как в глубинной капсуле, шлем соединен с системой без шнура, и пилот просто-напросто шлепает ладонью по панели, подключая свои мозги к элеронам, движку и что там еще во флайдарте есть. Только я занял свое место, как мы с Андерсом одновременно шлепнули – он по панели, я по спинке переднего кресла, чуть Глисту по маковке не приложил.

Что за притча? Он-то не заметил, в cerebroшлеме ничего постороннего вообще не замечаешь, а я, как взлетная перегрузка кончилась, еще долго удивлялся. С какой это радости во мне рефлекс пилота не глубинного, а совсем наоборот? Чудеса, да и только. Так ничего и не выдумал, плюнул, еще и не такие странности в мире случаются, над каждой аномальностью задумываться – мозги закипят. А Глист знай себе ведет флайдарт, уверенно так, без суеты, а суета в мыслях – главный враг что для летчика, что для глубинника.

Хорошая штука флайдарт. Не был бы я глубинником, обязательно пошел бы в пилоты, да теперь уж поздно. Скорость на высоте совсем не чувствуется, только видно, как белое солнце ползет по небу и нехотя заваливается за горизонт. Часа два летели в черноте под звездами, потом на снижение пошли, скорость об атмосферу гасить, а как пламя снаружи чутко поутихло, гляжу – удачно вывалились. Красиво даже: из ночи в рассвет. Вид океана в умеренных широтах совсем не такой, как в тропиках или у экватора, притом на воде там и сям масляные разводы, и мелкие суда ходят. Еще три минуты полета под облаками – и вот он, Поплавок.

Глава 3

Господин Гундер Шелленграм, ведущий эксперт отдела Перспективного Планирования, без тени иронии называющий себя главной мозговой извилиной организма, именуемого зоной Федерации, занимал скромные, но все же приличные для чиновника его ранга апартаменты в надводной части Поплавка, в полукилометре выше ватерлинии, в километре ниже плоской макушки конуса. Космические челноки садились на уступы значительно выше жилой палубы Дзета-144, справедливо считающейся одной из фешенебельных; боевые машины ВВС и транспортные платформы базировались ниже. Здесь ничто не могло оскорбить взгляд человека, любующегося огненной полоской заката на пепельной воде, и не на экране, а сквозь настоящий иллюминатор; ничто не мешало покинуть каюту и выйти прогуляться на смотровой уступ – не личный, общий, однако заказанный для служащих невысокого ранга, не говоря уже о рядовых оболванцах и трюмной швали.

Сегодня господин Гундер Шелленграм поборол искушение продлить путь по смотровому уступу до сектора Стигма и воспользовался ближайшим служебным лифтом. Сказать по правде, за последний год вид океана надоел ему до чертиков. В какие бы личины он ни рядился, становясь то ласковым и прекрасным, то хмурым, взбесившимся, кипящим, – вода всегда останется водой, а Поплавок Поплавком, и воды всегда будет слишком много. Только новичкам нравится смотреть на нее.

И еще Шелленграму.

Пусть надоело – но тянет... Можно сойти с ума: с высоты океан кажется распахнутой ждущей бездной с висящим над ней Поплавком. Чересчур далек горизонт, чересчур ясно осознает человек, что океан не имеет ни берега, ни дна. Старожилы из штатской obsługi поголовно страдают агорафобией: правдами и неправдами добиваются жилья в глубине терминала, подальше от обшивки и бездны за нею, годами не включают обзорные экраны... Их можно понять.

Но сейчас океан подождет. Утренней рысцы по трапам к посадочной площадке флайдрома было вполне достаточно и для разминки, и для созерцания.

Тридцать секунд плавного падения в лифте с высоты сто сорок четвертой палубы до нулевой Шелленграм рассматривал себя в настенное зеркало. Хорош. Высок, подтянут, мужественного вида, морщинки – и те на месте, производят на собеседника впечатление о их носителе как о человеке надежном, много повидавшем и еще больше переделавшем в своей жизни. Слегка костляв, но это не бросается в глаза. Относительно моложав, на вид не дашь больше пятидесяти. Тонкие губы, крупный породистый нос, благородная седина в волосах, движения – точные и уверенные. Порода во всем. Потомок викингов и их жертв. Тщательно выбрит. Костюм – соответствует цели визита.

Как всегда, на спуске плотно заложило уши. Сорок три секунды горизонтального движения кабины – от периферии к оси Поплавка – господин Шелленграм морщился, глотал всухую, безуспешно искал в карманах коробочку с кислыми леденцами и думал о том, что забывчивость в мелочах – первый симптом старости и добра от нее не жди.

Контр-адмирал Хиппель ждал во внешней приемной.

– Вы опаздываете, Гундер, – укорил он.

– Не имею привычки заставлять себя ждать, – сухо возразил Шелленграм. – Исправьте ваши часы, Курт. Что, все уже собрались?

– Фактически да. Господин Адмиралиссимум ожидается с минуты на минуту. Он в личных апартаментах.

– Так я и думал, – сказал Шелленграм. – Ну что ж, пойдёмте.

Дежурный адъютант пропустил их во вторую приемную. Тут пришлось пройти сквозь линию контроля, и строгий голос из стены известил об опасности для жизни, могущей последовать в случае, если посетители не остановятся для идентификации имплантированных под кожу ладони пропусков. Шелленграм и Хиппель молча повиновались. Все было в порядке. В третьей, внутренней приемной посетители сдали разовые карточки-приглашения и подверглись быстрому, но толковому обыску – начальник охраны Адмиралиссимуса не слишком доверял сторожевой электронике. У господина Шелленграма отобрали дыхательный фильтр и записную книжку-комп, пообещав вернуть по окончании визита. Контр-адмирал Хиппель попытался протестовать.

– Не тратьте зря времени, Курт. Вы расточительны.

– Да что они тут себе позволяют, Гундер? А ваш доклад? А ваши записи?

Шелленграм едва заметно усмехнулся.

– Кажется, доклада в обычном понимании не будет. И хорош бы я был как ведущий эксперт, если бы не мог дать любую справку о Капле без шпаргалки. Пойдемте, Курт, пойдемте.

– Вот как? А скажите-ка мне без шпаргалки, Гундер: каков экваториальный диаметр Капли по оси наибольшего прилива?

– Двадцать шесть тысяч пятьсот два с половиной километра, – улыбаясь, ответил Шелленграм.

– Врете. Вы назвали не экваториальный, а максимальный диаметр. Ладно, продолжим. Надеюсь, вам известна численность обслуживающего персонала грузовых ракетных шахт Поплавка?

– Шестьдесят три человека, семнадцать андроидов.

– Опять врете: шестьдесят один человек.

– Извините, Курт, вчера пришел челнок. Земля озаботилась прислать технарей. Трое из них ваши, приказ уже готов и подписан. Что же касается рабочего, раненного вчера во время аварии в вашей епархии...

– Вы и об этом знаете? – хмуро спросил Хиппель.

– Естественно. Так вот, полагаю, этот рабочий уже умер или вот-вот умрет, что не существенно с точки зрения интересов дела. Итого – шестьдесят три.

– Мне бы вашу память, Гундер.

– Не завидуйте, лучше помогите, если что-то пойдет не так.

– Мы ведь уже договорились. Только уж и вы мне...

– Разумеется. Я знал четырех командиров Поплавка. Вы первый, с кем приятно иметь дело.

– Спасибо, Гундер.

В рабочем кабинете его превосходительства господина Адмиралиссимуса за длинным, сработанным из мореного дуба столом сидели пятеро. В ответ на поклоны вошедшим кивнули как старым знакомым. Никто не приподнялся, давая понять разницу в чинах и положении. Шелленграм и Хиппель сели с краю.

– Тут одни акулы, – шепнул Хиппель.

Гундер Шелленграм ответил толчком ноги: молчи, мол, знаю. Он откровенно разглядывал сидящих, но так, впрочем, чтобы это не показалось чересчур бесцеремонным. Он знал их всех, и знал давно, о биографиях некоторых из присутствующих он знал опасно много и не нуждался ни в каком разглядывании для того, чтобы понять, что ждать от них, но сейчас верх брала привычка. Взгляд – образ, несколько десятков слов. Карточка в несуществующую картотеку.

Вон тот слева – Вальдемар Мрыш. Адмирал, флагман Первого, Ударного, флота. Молод, напорист, лично храбр. Не слишком опытен, однако считается гением морской тактики. Семь лет назад переведен на Каплю в чине всего-навсего кавторанга и, против всех

обычаев мирного времени, сумел сделать блистательную карьеру. Прямо в суждениях и, вероятно, в мыслях. Айсберг без подводной части, весь на виду. По слухам, последнее время под него усиленно копают: оказался негибок, не оправдал чьих-то надежд. Сравнительно честен, не злоупотребляет. Выглядит взволнованным. Небольшая победоносная война – это то, о чем он мечтает с тех пор, как почувствовал подкоп.

Где я ему возьму небольшую и победоносную? – подумал Шелленграм. Он перевел взгляд на следующего.

Антеи Лавров-Печерский, адмирал, флагман Второго, Вспомогательного, флота. Лысый, с кустистыми седыми бровями. Ветеран сражений эпохи Разделения, с юных лет служил исключительно на Капле, участвовал в нескольких серьезных кампаниях, облучен, многожды ранен. Умеренно образован. Опытен. Чин адмирала получил за успешные действия трех субмарин в Экваториальном побоище под занавес войны. Уступку половины акватории планеты Лиге, Унии и Независимым расценивает как свое личное поражение.

И в том же духе воспитывает подчиненных, добавил про себя Шелленграм.

Конрад Монтегю, вице-адмирал, командующий Отдельной флотилией погранохраны. Средних лет, худ, редковолос. Обладатель самого скрипучего голоса во всем Южном полушарии. Гордится фамилией, мнит себя потомком какого-то флотоводца начала Темных веков. Влиятелен. Числом боевых кораблей его разбросанная по всей Капле флотилия намного превышает Ударный флот Мрыша и почти равна Второму флоту по боевой мощи, но дальность действия, конечно, много меньше. Сам терпелив, выдержан, много и охотно занимается стратегическим планированием, считаясь видным теоретиком войны на море. Подчиненных распустил, одна Джильда Риенци чего стоит...

Джакомо Риенци, брат упомянутой Джильды. Этот командует всей авиацией, кроме ПВО Поплавка. Около сорока лет, коренаст, черные волосы коротким ежиком. На вид бурбон и демонстрирует это всем и каждому, но что он на самом деле, еще предстоит понять. Уже то, что он в изумительно короткие сроки свалил двух предшественников, говорит о многих скрытых качествах. В рядах ярых сторонников войны не замечен, но это еще ничего не значит.

Наконец последний... Шелленграм лишь мазнул его взглядом и сразу отвел глаза. Любомир Велич, шеф флотской разведки и контрразведки, грузнеющий красавец-брюнет, единственный из пятерых не адмирал, а всего лишь каперанг – никак земные бюрократы не приведут его чин в соответствие с занимаемой должностью. Внешне нисколько от этого не комплексует – может, так ему удобнее... Трудно сказать. Принял дела недавно. Его побаиваются и, вероятно, не без оснований – вот и все, что о нем можно сказать.

А ведь и верно – акулы, подумал Шелленграм. Все пятеро. Не то беда, что зубасты сверх меры, а то, что эта пятерка – элита власти. Они, а вовсе не те надутые спесью чиновники, что присылаются сюда Управлением по делам колоний в количестве явно избыточном – как передаточный ремень для проведения политики Земли. Такое впечатление, что нарочно подбирают самых бестолковых. И уж конечно, вершина власти – не Адмиралиссимус, а вот жди его, протирай штаны...

Ждать пришлось минут пять. За это время не было произнесено ни слова, лишь Монтегю неразборчиво бубнил себе под нос, шелестя бумагами.

Наконец вошел тяжелый, грузный седой мужчина с неподвижными чертами оплывшего лица, сопровождаемый новым флаг-адмиралом – этого Шелленграм видел второй раз и еще не успел запомнить фамилию. Вполне вероятно, она того и не стояла, флаг-адмиралы при Адмиралиссимусе менялись чаще, чем командиры Поплавка.

Он встал, как и остальные. Его высокопревосходительство господин Адмиралиссимус неспешно обошел вокруг стола, здороваясь с каждым за руку. Каждое его движение было внушительным, но одновременно как бы и недостаточным – медлительным и скованным.

Грация стенобитного тарана, если стенобитный таран способен обладать хоть какой-нибудь грацией. Пожимая мясистую вялую ладонь, Шелленграм едва не улыбнулся пришедшему на ум сравнению и закаменел, беря себя в руки.

В последние годы Адмиралиссимус изрядно сдал. Похоже, он уже давно не выходил на вольный воздух, ограничивая свои прогулки охраняемой сердцевиной Поплавка. Поговаривали, что он сильно пьет. Наиболее злые языки утверждали, что в своих личных покоях господин Адмиралиссимус будто бы с увлечением играет в игрушечные паровозики, – но мало ли что утверждают злые языки, подумал Шелленграм. Может, и не в паровозики вовсе. Может, в солдатики.

Маразм. И уже не первой свежести, застарелый. А ведь было время – грозен был Адмиралиссимус, и хоть никогда не был особенно умен, помощников подбирал толковых... Совсем худо, когда человека перестают интересовать люди как объект игры. Не приведи господь дожить до такого позора.

Покончив с рукопожатиями, господин Адмиралиссимус сел в услужливо пододвинутое флаг-адмиралом кресло, тяжело опустил руки на положенное им место на подлокотниках и пригласил садиться. Заскребли, застучали по полу ножки придвигаемых к столу стульев. Блюдя субординацию, Шелленграм сел последним.

Незаметной внешности стюард – получеловек-полутень, чья биография была проверена контрразведкой по минутам – неслышно подал минеральную воду и исчез. Со смачным поцелуйным звуком присосало дверь. Десять секунд чуть заметно вибрировал пол: воздушные насосы отделяли мозг зоны Федерации от тела непроницаемым для звука вакуумным барьером; одновременно трижды дублированная хитроумная система электронной безопасности тщательнейшим образом исследовала резиденцию его высокопревосходительства на наличие «жучков» и жучкоподобных устройств. Не найдя искомого, система сообщила об этом, как показалось Шелленграму, немного обиженным тоном.

– Ну что же, – констатировал флаг-адмирал доверительным голосом, – кажется, все в сборе. К сожалению, нет управляющего экономикой Капли, в настоящее время он вызван в метрополию, однако я полагаю, что присутствующий здесь господин Шелленграм не откажется дать необходимые справки, коль скоро в них возникнет необходимость... Мне кажется, мы можем начать. Не так ли?

– Дэ, – коротко сказал Адмиралиссимус. Лицо его оставалось неподвижной маской.

Пятеро молчали, закаменев, не глядя друг на друга. Тишина перед прыжком... Никто не проронил ни звука. Текли секунды. Несчастный Хиппель, слабейшая карта в этой колоде, нервно вытирал платком лоб. Шелленграм подумал, что, наверное, эти секунды молчания, когда слово-взрыв еще не произнесено, кажутся столетиями каждому сидящему за этим столом. Кроме него, Шелленграма. Да, кроме него одного.

Монтегю сдержанно кашлянул и, когда взоры присутствующих остановились на нем, спрятал глаза. Нет, этот не решится начать. Тогда кто же? Мрыш, самый молодой и решительный?

Да, Мрыш.

– Если не теперь, то когда же? – Флагман Ударного флота начал без обиняков. – Только сейчас и обрушиться на северян всей силой! Момент такой, что лучше не придумаешь, это я вам говорю. Упустим – не вернем, так и знайте. Локти будем кусать...

Он еще говорил, а сидящие уже задвигались, устраиваясь вольнее. Бедняга Хиппель, забывший дышать во время общего молчания, шумно выдохнул, икнул и стал пунцовым, как школьник, сделавший непристойность в присутствии взрослых дядей.

– Вы так уверены в нашем превосходстве, Вальдемар? – прервал Лавров-Печерский. – Нет-нет, не спешите отвечать. Я хочу того же, чего и вы. Мы все этого хотим, верно? Но, видите ли, если мне придется тонуть, я желаю пойти к Вихревому поясу с сознанием, что

это послужит нашей победе, а не наоборот. Я старый человек, и мне надоели войны, которые невозможно выиграть. Прошу помнить, что наш флот лишь незначительно превышает боевой мощью соединенные флоты зон Лиги, Унии и Независимых. Вы абсолютно уверены в успехе, Вальдемар?

Мрыш фыркнул.

– Разумеется, абсолютно. Поймите же наконец, все это время мы находились в плену замшелых догм. Более тридцати лет! В войне, последовавшей за Разделением, наши заблуждения были понятны и простительны: в конце концов, мы пытались вернуть назад свою собственность. И проиграли. Одной морской пехоты положили столько, что пришлось поставить ей специальный памятник. Никто даже не подумал уничтожить чужие Поплавки одним ударом, все три одновременно, а если и подумали, то не имели достаточных средств. Теперь-то мы их имеем, разве нет?

– Дэ, – сказал Адмиралиссимус.

– Северяне тоже, – проскрипел, возражая, Монтегю.

– Стоит ли говорить о том, – самодовольно ухмыльнулся Риенци, – что наш Поплавок теперь не просто терминал, а уникальная по средствам защиты и нападения плавучая крепость, принципиально более мощная, чем Поплавки северян. Защититься мы сумеем. Кажется, ни мы, ни наши предшественники на этих постах не сидели сложа руки.

– Как и северяне.

– А что северяне? – дернулся Мрыш и снова фыркнул. – Я уже весь дрожу... Вы намекаете на тройственный меморандум?

– И на меморандум, разумеется, тоже.

Шелленграм подумал, что Монтегю, возможно, специально махнул красной тряпкой перед мордой быка. Совместный меморандум администраций трех северных зон был получен несколько дней назад и пока не имел результатом никакой официальной реакции. О, неофициальной реакции было сколько угодно, ибо в меморандуме обосновывалась чудовищная претензия: во избежание в дальнейшем всех и всяческих акваториальных споров и недоразумений между существующими неравными зонами поделить Каплю на четыре РАВНЫЕ зоны – с границами меридиональными либо соответствующими проекциям на сферу ребер вписанного тетраэдра – по решению международной конференции, которую предлагалось созвать во имя мира и добрососедства! Очевидная наглость меморандума вызвала вспышку тихой ярости в верхних эшелонах власти зоны Федерации. Говорили, что Мрыш в тот день ни за что ни про что собственноручно побил морду адъютанту. Он и теперь кинулся в бой:

– Северяне, северяне... Не знаю, как вам, а мне надоело о них слышать! Чуть что – северяне, демпинговые тарифы Независимых... А их, северян, три зоны, между прочим, и о координации боевых действий своих флотов они никогда не договорятся, это вам не меморандумы сочинять. Говорю вам: накроем их Поплавки, а флоты уничтожим поодиночке, только и всего. Главное – внезапность и решительность нападения или, если хотите, давно заслуженной акции возмездия. Для этого хватит Ударного и Вспомогательного флотов при поддержке авиации, а флотилия погранохраны, наш резерв, при необходимости вполне справится с задачей защиты Поплавка. Пусть только Земля обеспечит внешнее прикрытие, чтобы ни один чужой корабль не высунул носа из Каналов, а уж разгром противника тут, на Капле, я обещаю. О чем тут, собственно, у нас идет речь? О меморандумах?! План кампании давно разработан и утвержден, весь вопрос в том, когда же мы наконец соизволим пробудиться от спячки. Флоты готовы к войне, авиация готова, Поплавков... Хиппель, я вас спрашиваю: готов Поплавок? Да сидите вы!

Контр-адмирал Хиппель, только что справившийся с обильным потом на лбу и висках, мгновенно вспотел вновь.

– Э... Да, конечно... Так точно... Как было приказано...

– То-то. Повторяю: лучшего момента не будет. Гарантии Земли мы получили или нет?

– Кхм, – сказал Адмиралиссимус. – Дэ.

– Тогда у нас остается одна большая проблема и одна малая, – улыбнулся Мрыш. – Большая – принять решение. Малая – выиграть войну. Надеюсь, хотя бы повод к началу войны у нас найдется?

– Дэ, – сказал Адмиралиссимус. Шелленграму было ясно, что он не слушает.

– Разумеется, – охотно пояснил своевременное междометие флаг-адмирал. – Например, три дня назад был выведен из строя пищекомбинат. Торпедная атака. Между прочим, Монтегю, этот камешек в ваш огород... Бесспорно, это повод для ультиматума любой из зон или всем трем сразу.

«Если не брать в расчет то, что северяне имеют не меньше оснований пожаловаться на нас, – договорил про себя Шелленграм. – Не одни они мастера устраивать диверсии».

– Какой ультиматум? – Мрыш вскочил, оттолкнув стул. – Вы что, с ума сошли? Тогда уж лучше прямо объявим день и час, и дело с концом. Мирную конференцию для отвода глаз – это я понимаю...

– Ну разумеется, – улыбнувшись, сказал Лавров-Печерский, – разумеется. Это шутка, Вальдемар. Просто шутка. Вы правы: план кампании разработан и утвержден. По-моему, это хороший план, и лично я надеюсь, он сработает. Мне, старику, не страшно тонуть, но я предпочел бы остаться на плаву... Единственное, что меня беспокоит по-настоящему, это вопросы снабжения. По плану, на активные боевые действия отводится месяц, на последующую зачистку акватории – от трех до шести месяцев. Выдержит такое наша экономика? Заверения управляющего, к сожалению, отозванного в метрополию, мы слышали. Мне бы хотелось, чтобы господин э-э... Шелленграм честно и убедительно подтвердил их.

– Или опроверг, – впервые подал голос Любомир Велич.

Шелленграм встал. Он смотрел на них сверху вниз. Он так привык. Ему пришлось сделать усилие, чтобы голос звучал как подобает в разговоре с вышестоящими – почтительный и вместе с тем подчеркнуто безразличный голос исполненного собственного достоинства лакея из хорошего дома.

Значит, Земля решилась, подумал он. За этой малой войной, чем бы она ни кончилась, почти наверняка последует масштабная война за возврат колоний, заведомо самоубийственная как для бывших колоний, так и для Земли. Решилась Федерация... Ну-ну. И эти провинциалы – решились тоже. Пробный шар... Планировать они умеют, воевать, пожалуй, тоже. Единственное, чему они не научены, это думать хотя бы на два хода вперед, но разве можно их в этом винить? Вряд ли. Их сделали такими, какие они есть, нельзя требовать изящества от стенобитных таранов.

– Могу заверить, что технических средств, имея в виду боевую технику, боеприпасы, верфи и ремонтные базы, на небольшую войну хватит, – сказал он. – Дислокация их такова, что по меньшей мере в первый месяц войны значительная их часть вероятно не будет уничтожена противником. – Он выдержал паузу, почти равнодушно наблюдая вящее удовлетворение присутствующих. – Проблем с пополнением личного состава у нас также не предвидится, чего не скажешь о противнике, коль скоро Земля обеспечит блокаду Капли. Намного хуже обстоит дело с продовольственным обеспечением. Как раз об этом я недавно представил штабу подробнейший доклад...

– Мы помним об этом, – перебил флаг-адмирал. – Изложите самую суть, только покороче.

– Дэ, – сказал Адмиралиссимус и прикрыл веки.

– Как вам будет угодно. Позвольте напомнить: без импорта Капля существовать не может, ибо местные ресурсы и мощности по их переработке заведомо недостаточны для

прискорбно большого числа едоков. Раз в десять дней мы получаем «утюги» с продовольствием и благодаря этому кое-как дышим. Сколько-нибудь серьезных запасов у нас нет. Сейчас в нашей зоне насчитывается около семидесяти тысяч человек, из них реальных работников не более сорока тысяч. Три тысячи андроидов также необходимы. Остальные – жены и просто женщины, дети, в том числе родившиеся на Капле, старики и некоторое количество человеческих отбросов. Словом, балласт. Избавиться от него, эвакуировав в метрополию на время боевых действий и на достаточно продолжительный послевоенный период – насущная необходимость. Таково мое мнение как ведущего эксперта.

– Только-то? – пожал плечами флаг-адмирал. – Это легко выполнимо. Кстати, план предусматривает...

– Простите, я еще не закончил. Даже при безукоризненно точном выполнении плана импорт продовольствия с Земли придется увеличить в несколько раз. Лично у меня нет уверенности, что терминал сможет работать с полной нагрузкой во время боевых действий. Скорее, наоборот. Хочу пояснить свою мысль и еще раз напомнить, что наши возможности добычи местных ресурсов ограничены: ловля рыбы, съедобных водорослей, криля...

Вальдемар Мрыш откровенно зевнул.

– Кое-что синтезируется из неорганики, – невозмутимо продолжал Шелленграм. – Много выращивается в кустарных садках и на плавучих плантациях-пищекомбинатах. Наконец, малую толику дает переработка того, что застревает на фильтрах ионообменников. Между прочим, Независимые с недавних пор наловчились выпасать на наших планктонных полях свои рыбные стада – как-то они ими управляют, а мы еще не имеем противоядия от этого разбоя. Но так или иначе, сейчас мы все еще можем обеспечить потребности нашей зоны примерно на шестьдесят процентов. Вынужден особо подчеркнуть: это при исправно работающем пищевом хозяйстве... могу побиться об заклад, что противник проявит к нему самое пристальное внимание, едва начнутся боевые действия. Недавняя диверсия в отношении пищекомбината – наглядный тому пример. Учитывая вероятные трудности с импортом, голод практически неизбежен, однако я понимаю: высшие интересы должны превалировать над частностями... – последние слова Шелленграм договорил намеренно сухим тоном, дабы никто из присутствующих не заподозрил издевки.

– И порядок чтоб был! – рискнул пискнуть Хиппель, встряв в паузу, и плаксиво затопился: – А то что получается: я прошу партию сборных буксиров – мне присылают плавучую буровую с геологом в придачу. На кой ляд на Капле буровая?! Я отсылаю заяку на сотню рабочих андроидов – мне суют два десятка глубинных пилотов, вдобавок недоученных...

Никто не обратил на него внимания.

– Благодарю вас, – отозвался флаг-адмирал, обращаясь к Шелленграму. – Продовольствие, трудности с импортом – это мы учтем. Это важно... Больше ничего? Одним словом, вы как ведущий эксперт гарантируете решительный успех в войне при незначительных издержках?

– Нет, – сухо сказал Шелленграм. – В точности наоборот. Я гарантирую полный провал. Адмирал Мрыш вскочил с места. Лицо его шло красными пятнами.

– Минуту спокойствия, Вальдемар! – упредил вспышку флаг-адмирал. – Господин Шелленграм, поясните свою мысль. Вы не верите в успех, мы правильно вас поняли?

– Темнит, понимаешь, – изрек господин Адмиралиссимус с закрытыми глазами.

– Абсолютно не верю.

Хиппель не успевал утираться платком. Остальные шестеро смотрели на Шелленграма кто спокойно-выжидающе, кто – с возмущением и гневом. Как на бельмо. Как на вредную букашку, заслуживающую ровно столько внимания, сколько необходимо, чтобы раздавить ее каблуком.

Игнорируя возмущение, Шелленграм позволил себе выдержать паузу. Интересы Федерации, престиж Земли... Акция возмездия, решительная и беспощадная, во исполнение высшего закона справедливости... Они привыкли прикрываться высокими словами. Они всегда ими прикрываются. Неужели люди в своей массе настолько глупы, что не могут разобраться в очевидном? Почему-то очень немногим из них удается понять такую простую вещь: интересы Земли имеют мало общего с интересами этой пятерки. Кто они: хищники? Да нет, нормальные люди. Не маньяки, не злодеи, не опасные параноики. Негодяи? Ну что вы. Взлетите на пост, с высоты которого люди покажутся вам пылью под ногами, и с этой высоты попробуйте осудить себя и коллег... Земля на их стороне. О, они сделали чрезвычайно много, чтобы им позволили сыграть ва-банк: годами укрепляли нужные связи, заручались поддержкой могущественных политических сил и торговых империй, вряд ли ошиблись хоть раз, используя свое влияние для проталкивания вверх нужного человека, делились незаконными доходами... И им позволили рискнуть. Позволили начать войну, вместо того чтобы дать ход проекту космического супертерминала и забыть о Капле. Позволили и еще позволяют вложить в бойню много больше средств, чем стоил бы супертерминал, не заикаясь уже о такой ерунде, как человеческие жизни. Позволили и дальше делить бросовую жидкую планету, во что бы то ни стало сохранить Каплю для себя и остаться ее верхушкой...

Господи, как же я устал от них, подумал Шелленграм. Всегда и всюду одно и то же, вечный бег белки в колесе. Сволочи. Люди.

— Есть веские основания полагать, — сказал он, глядя им в лицо, — что командование зон Лиги и Унии имеет в своем распоряжении туннельную бомбу.

* * *

Давным-давно, когда человечество, однажды уже чуть было не исчезнувшее с лица Земли в случайном катаклизме, восстановило свою численность настолько, что освоение ближнего, а затем и дальнего космоса вновь обрело практический смысл, в пространстве Галактики было открыто явление во многом загадочное и невероятно полезное: туннельная сингулярность. Открытие произошло случайно: некий экспериментальный субсветовой корабль — громоздкий и хрупкий монстр, название которого забылось, — совершая испытательный полет на дальних задворках Солнечной системы, внезапно и необъяснимо исчез и вынырнул неповрежденным в двух сотнях парсеков от родного светила. С перепуганным, но живым и здоровым экипажем. С не изменившейся ни на грамм массой топлива. С той же скоростью. Мало того: экипаж, приблизительно разобравшийся в ситуации, сумел вернуть корабль назад, погасив скорость и точно высчитав обратный разгонный курс!

Так или не совсем так — неважно — была открыта туннельная сингулярность и первый (из сотен известных) стабильный субпространственный Канал — легкая дорога к звездам, увы, чаще всего проложенная не туда, куда хотелось бы, и потому отнюдь не прямая. Столетие спустя, когда туннельные перелеты стали самым заурядным делом, никого не удивлял рейсовый маршрут из трех-четырех нырков в Каналы, прерываемых неделями путешествия в обычном пространстве где-нибудь за три спиральных рукава от места назначения.

Такое положение дел устраивало всех — до поры до времени. Строительство всепространственных кораблей, индуцирующих искусственную сингулярную трубку, в принципе возможное, но никак не оправданное экономически, было отложено до лучших времен. Сама идея казалась красивой безделкой.

Как водится, лучшие времена обернулись худшими. Не успела окончиться война землян с сепаратистами, как флоты, состоящие из всепространственных боевых кораблей и военных транспортов имели и Земля, и Лига, и даже небогатая Уния.

Туннельная бомба появилась много позднее. Как случается чрезвычайно редко, но все-таки случается, индуцированная сингулярность впервые послужила человеку для целей хотя и разрушительных, но все же не чересчур фатальных. Не человек был тому причиной – технические трудности.

Компактное устройство, не превышающее объемом обыкновенной тактической боеголовки, отличалось от ходовой части всепространственного корабля одной особенностью: оно индуцировало не Канал, а засасывающую сингулярную воронку. Со входом, но без выхода. Путь в никуда, отчасти похожий на черную дыру.

Противопланетное оружие.

Некоторые теоретики утверждали, что выход из воронки все-таки есть. Где-нибудь в иной галактике или, что вероятнее, в ином пространстве. Слабое утешение для жертв.

Никто и никогда не применял туннельное оружие в битвах космических эскадр – по той же причине, по какой мух уничтожают мухобойками, а не фугасами. Никто еще не использовал бомбу по прямому назначению – иногда по отсутствию подходящего случая, чаще из боязни аналогичного ответа.

С десятков никчемных астероидов и одна холодная газовая планета послужили полигонами для испытаний. Астероиды исчезли практически мгновенно; всасываемую планету коржило несколько секунд. Не осталось ничего, даже коллапсаров – воронки схлопывались спустя малое время, зависящее от мощности боеголовки.

Мирные соглашения между Землей, Лигой и Унией ограничивали базирование туннельного оружия одной планетной системой с каждой стороны. Официально туннельного оружия на Капле не существовало – фактически Поплавков имел на борту один туннельный заряд. Разумеется, имел – глубоко под ватерлинией, в нижнем трюме, под охраной особо отобранных оболванцев из внутренней гвардии, не знающих, что они охраняют. Не самое рациональное место. Шелленграм был уверен, что Адмиралиссимус, тогда еще находившийся в относительно здравом уме, категорически не пожелал разместить боеголовку поблизости от своих апартаментов. Будто не все равно.

Один короткий миг Шелленграм, удивляясь сам себе, наслаждался реакцией присутствующих. Они опешили. Так удар молотом по лбу останавливает неудержимый, казалось бы, бег атакующего быка. И бык падает...

Эти не упали. Несколько секунд оцепенения – и вот уже дергает щекой Мрыш, наливается кровью лицо Риенци, криво ухмыляется Велич, бледнеет Монтегю, а несчастный Хиппель пытается еще чуть-чуть уменьшиться в объеме, хотя и без того съежился до предела... Шумно дышит Лавров-Печерский.

– Вы... вы отдаете себе отчет?.. Вы уверены?

– В случае войны Капля может погибнуть, – подтвердил Шелленграм.

– Чтэ? – рыкнул Адмиралиссимус, невольно разряжая обстановку, и зашевелился в кресле. – Кто может? Почему без приказа? Будем наказывать, понимаешь. Тэк нельзя. Во-от.

Флаг-адмирал, сердито взглянув на Шелленграма, наклонился и что-то зашептал в ухо его высокопревосходительства. Тот дважды качнул головой, обмяк и снова прикрыл веки.

– Я полагаю, господин... э-э... Шелленграм не откажется дать объяснения, откуда у него такие сведения, – проскрипел Монтегю, ни к кому не обращаясь. – Насколько я понимаю, разведка флота располагает м-м... прямо противоположными данными. Или мы вас неверно поняли, Любомир?

Велич уколол Шелленграма неприязненным взглядом.

– Вы поняли правильно, Конрад. А вот я, кажется, чего-то не понимаю. Откуда у отдела Перспективного Планирования могут быть сведения о противнике? Может быть, ведущий эксперт соизволит высказаться?

– Они нас не боятся, – заговорил Шелленграм. – Ни лигисты, ни униаты. Они совершенно нас не боятся. Наш отдел вынужден собирать информацию о северных соседях, просто для того, чтобы успешно выполнять свою работу, но кое-какой дополнительный анализ данных, включая архивные, – моя личная инициатива. Наглость северян просто не может иметь иного объяснения, кроме наличия у них туннельного оружия. В зоне Лиги – бесспорно, в зоне Унии – вероятно, у Независимых – крайне сомнительно. Подробный анализ действий соседей позволяет предположить: зона Лиги получила туннельную бомбу шесть-семь лет назад.

Вице-адмирал Монтегю уронил челюсть.

– Иными словами, раньше нас?!

– Не намного, но раньше. Я понимаю: стратегическая боеголовка испарит любой из Поплавков за одну-две секунды – время явно недостаточное для принятия решения о возмездии. Разумеется, можно подвести боеголовку к терминалу в челноке или грузовой ракете, обманув систему распознавания, – полагаю, это вполне решаемая, чисто техническая задача... Но кто даст мне уверенность, что туннельные заряды северян размещены именно на Поплавках? – С высоты своего роста Шелленграм обвел взглядом присутствующих. – Позвольте закончить. Лично мне представляется мало-мальски перспективной лишь одна стратегия войны: в союзе с Лигой и Унией поделить Независимую зону. Такой союз возможен: тарифы Независимых надоели не только нам. Война будет выиграна быстро и малой кровью, мы усилимся за счет приобретения новой акватории и ее ресурсов...

– Лигисты и униаты тоже усилятся, – скрипнул Монтегю.

– Да, – подтвердил Шелленграм. – Это неизбежно.

В наступившей тишине было слышно, как господин Адмиралиссимус тонко свистит носом.

– Это официальная позиция отдела Перспективного Планирования? – осторожно осведомился флаг-адмирал.

– Дэ, – неожиданно сказал Адмиралиссимус, не поднимая век. Флаг-адмирал поморщился.

– Нет, – возразил Шелленграм. – Я уже говорил: это мое мнение как ведущего эксперта. Мое личное мнение. Только мое.

Адмирал Лавров-Печерский с шумом выдохнул воздух. Ужас оборачивался пшиком, и сидящие расслаблялись. На лицах появились улыбки. Вредное насекомое само подставило себя под каблук, и теперь под черепными коробками ворочались ленивые мысли: растоптать сразу или позволить еще поползть?

– Может быть, передать вашему отделу функции разведки? – съязвил Велич, вызвав смешки. – По-моему, вы об этом мечтаете.

– Не возьму, – холодно отпарировал Шелленграм. – Это не интересно. У меня другая работа.

– Так и занимайтесь ею, черт вас возьми, а не мутите воду! Противник блефует, а тут выискался ясновидец: бомба, бомба...

– Расстреливать перестраховщиков, – буркнул Риенци.

– В мое время умников топили, – охотно отозвался Лавров-Печерский. – Поставят, бывало, на уступ...

– Тише, тише, господа, – вмешался флаг-адмирал. – Попрошу обойтись без резкостей. Мнение ведущего эксперта выслушано и принято к сведению. Господин Шелленграм, вы удовлетворены? Вот и хорошо. Вас и господина контр-адмирала мы больше не задерживаем, можете вернуться к своим обязанностям. Итак, продолжим...

– Не страшно было? – шепотом спросил Хиппель, когда, пройдя через три приемные, они покинули апартаменты его высокопревосходительства. – Вы меня иногда просто поражаете, Гундер...

– Страшно, – улыбнувшись, ответил Шелленграм, потому что утирающийся платочком Хиппель ждал такого ответа. – Очень.

– С вами опасно рядом стоять, вот что я вам скажу. Для чего вы все время высовываетесь, а? Чувство долга обязывает или голова не дорога? Ну чему вы, собственно, улыбаетесь?

– Проницательность не порок, а большое неудобство для окружающих. Угадали: и то и другое.

– А подите вы с вашим юмором, висельник! Что вы теперь намерены делать?

От Хиппеля едко пахло потом. Небось сбросил килограмма два, подумал Шелленграм. В ванну бы его, а мундир – в стирку...

Он пожал плечами.

– Вернуться к своим обязанностям, что же еще. До встречи, Курт.

Обратный путь Шелленграм проделал пешком по наружной поверхности Поплавка, карабкаясь по трапам с уступа на уступ и с удовлетворением отмечая отсутствие одышки. Всякому известно: если после года жизни на планете с тяжестью менее половины земной хочешь избежать атрофии мышц – не сиди сиднем. Ежедневные восхождения поддерживали форму лучше беговой дорожки, а если не было вызова или срочных дел внизу, он карабкался вверх, с удовольствием проходил сквозь запретные ярусы, пользуясь имплантированным под кожу служебным пропуском, и нередко добирался до вершины уступчатого конуса, где ноги скользили по влажному, почти всегда окунутому в облака металлу и уже чувствовалось разрежение воздуха. Но сейчас он просто шел домой.

Некоторое время его мысли занимал Хиппель, маленький человек с развитым нюхом, почуявший в дерзости эксперта некую силу и, вероятно, могучие тылы, за которые не грех подержаться, и шарahnувшийся бы от него, как от зачумленного, узнай он правду. Потом Хиппель пропал из головы.

Сегодня скользкая слизь покрывала все: рифленую поверхность смотровых и служебных уступов, ступени трапов, поручни. Вершина Поплавка скрывалась в слоистом облаке, плоском и бесконечном, накрывшем, казалось, половину Капли. Накрапывало. На высоте гулял сырой ветер, швырял в лицо дождевую пыль. Слегка штормило – баллов в пять, не больше, и едва заметно вибрировал металл под ударами волн. Милях в пяти к востоку, вполне прилично различимый, беззвучно поднялся столб воды, чуть дальше – еще один, и еще: выдерживая график, приводнялись беспилотные «утюги», те самые, о которых сегодня шла речь. Водяная пыль сожрала звуки. Далеко внизу от ватерлинии Поплавка отвалила флотилия буксиров. Обычная деловая суета, обыденная рутина...

А ведь скоро все будет иначе, подумал Шелленграм. Нет иных вариантов. Зачем я полез искать на свою шею приключений, неужели только для того, чтобы испортить им настроение? Убеждать их – бесполезно, драться с ними на уничтожение – бессмысленно, ибо найдутся новые. Любомир Велич торжественно подтвердит, что разведка не располагает сведениями о наличии туннельной бомбы у северян и не предполагает того, чего не может быть в принципе. И они успокоятся. Очень скоро Поплавок станет местом, из которого всякий нормальный человек – не оболванец – будет рад поскорее унести ноги, но до того... До того начнется виденное десятки раз: перегруппировка сил, планирование и исполнение, всеобщее вранье, не способное никого обмануть, попытка сжать в кулак дряблую пятерню, попытка избавиться от балласта, в особенности от штатских – одних как можно быстрее спровести в метрополию под любым благовидным предлогом, других приставить к делам более насущным, третьих – их мало – во избежание вони не трогать вовсе – и, кстати, не худо бы приглядеться к этому эксперту, Шелленграму – удивительно неприятный тип, господа, вдобавок

много знающий и не наш... Ваше мнение? Вы ведь дадите Величу санкцию взять строптивца под особый контроль и при необходимости принять меры самостоятельно, не правда ли? Я так и думал. А не дадите – Велич обойдется и без вашей санкции...

– Зубы обломаете, – сказал он в вой ветра.

Он засмеялся, с внезапной ясностью поняв, что побудило его швырнуть им в лицо правду. Беспокойство о сотне-другой тысяч человеческих особей? Да, и это тоже. Хотя, казалось бы, не тот предмет, чтобы обращать на него специальное внимание. Но главное – он получил удовольствие, видя их растерянность. Ради этого стоило постараться. И еще – он устал жить спокойно.

Рев сирены оборвал его смех. Шелленграм остановился посмотреть на океан. Там, где вдали качались на волнах «утюги» и куда ушли буксиры, из-за размытого горизонта выростала гигантская волна. Оповещение о гидросейсме, разумеется, пришло с опозданием... Гидросейсм – явление редкое и малопонятное, в отличие от желтого прилива случающееся с равной вероятностью и в тропиках, и здесь, в умеренных широтах. Слабый сейсм, волна так себе... Поплавок ее и не заметит, «утюгам» тоже ничего не сделается, а вот буксиры... Шелленграм видел, как их один за другим поднимало на гребень волны. Кажется, обошлось... Нет, один опрокинулся. Остальные идут на помощь... Может быть, успеют выхватить людей из воды живыми... Все равно отсюда ничего не видно, узнаю из сводки...

Волна оказалась все же большей, чем он предполагал, – Поплавок вздрогнул, по металлу прошел долгий ноющий гул. Взянул сигнал отбоя тревоги – значит, гидросейсм был одиночным, родившим, как всегда, только одну кольцевую волну. Иногда, очень редко, бывают серии сейсмов, еще менее изученные, вздымающие вавилонские столпотворения валов. Как многие другие, Шелленграм знал, что лет сто назад после серии рекордных по силе сейсмов была отмечена волна километровой высоты.

– Понять не можете, – пробормотал он, не в силах отвязаться от пустых мыслей, – а туда же: делить приспичило...

Полчаса восхождения по скользким трапам на палубу Дзета-144 насквозь пропитали одежду влагой. Переменив волглый костюм на сухой, господин Гундер Шелленграм спустился на три палубы ниже, в глухую, нефешенебельную часть сектора Гамма и посетил одну из ничем не примечательных кают. Оттуда он вышел, имея в ухе горошину с записью. Записанный разговор происходил сегодня утром между Любомиром Величем и его ближайшим подручным, подполковником Андерсом, целиком касался некоего лейтенанта Альвело из четвертого патрульного отряда погранфлотилии и был настолько интересен, что господин Шелленграм даже пропустил время ужина.

Глава 4

Инженер-мнемотехник, качая головой, разглядывал кубометр, наполненный белым туманом. Голографическое изображение не было неподвижным – туман клубился, в нем возникали неожиданные потоки и завихрения, возникали и размывались ажурные волокна, он поднимался вверх тонкими струями и, накопившись, опускался вниз весомым пластом. Картина была удивительная, завораживающая, и, бесспорно, она была уникальной и многообещающей с точки зрения практической психомнемографии, однако в душе инженера она не вызывала ничего, кроме ощущения скверно выполненной работы. Или даже не выполненной вовсе.

Туман. Вместо сложнейшего трехмерного узора, стройного или путаного, смотря по индивиду. Вместо привычной картины человеческого «я», вместо инстинктов, мыслей и памяти – не столь уж большого массива данных, из которого программа сортировки скорее отберет интересное. Ничего, кроме тумана.

Инженер поморгал, отгоняя наваждение. Затем на несколько секунд крепко зажмурился и осторожно разомкнул веки. Картина не изменилась.

– Прогони-ка еще разок тест, – велел он лаборанту.

– Нет проблем.

Тест не подтвердил предположение о неисправности аппаратуры. Строго говоря, тест был излишним: мнемоаппаратура высшего класса чувствительности обладала изумительной надежностью, сама устраняя неполадки. Скорее мнемооператор увидит галлюцинацию, чем техника покажет не то, что разглядела в темном мозгу испытуемого. Притом не может же одна и та же галлюцинация мерещиться сразу двоим! Чудес не бывает.

Щипать себя за ухо, чтобы проснуться, инженер не стал и тем самым поверил в чудо.

– Впервые вижу такую ментограмму, – проворчал он. – Кто он такой, этот тип?

Лаборант скосил глаза на монитор.

– Некий Филипп-Мария... тут до черта имен... Альвело, лейтенант погранфлотилии всего-навсего. Интересно, а чего это они к нему прицепились?

– Бесплатный совет хочешь? Поменьше спрашивай.

Лаборант хмыкнул.

– Еще одна проба, а?

– Давай. Копнем поглубже, хуже не будет. Глянь, как там испытуемый.

– Чего глядеть-то? – Лаборант, однако, взглянул. – Как положено: сидит, скучает. Нормальный оболванец, служака. Не взглянешь на него, так можно подумать, что он под наркотой. Вон, на ментограмме муть одна...

– Не бывает такой наркоты, – буркнул инженер, запуская повторное считывание. – Пора знать.

– Мнемоблок?

– Без всяких следов подсадки? И чтобы наша аппаратура его не сломала? Думай, что говоришь. Если это просто новый тип мнемоблока, то я Адмиралиссимус. Тут что-то другое...

Когда кубометр тумана исчез и спустя секунду сменился другим, в точности таким же, инженер непристойно выругался.

– С такой ментограммой ему не пилотом служить – валяться в клинике, пузыри пускать и под себя делать. У новорожденного в башке больше информации. Ох, не зря им заинтересовались... прелюбопытный сукин сын. Чую, возьмут с нас особую подписку о неразглашении... Э! Стоп! Ты его не узнаешь?

– Как не узнать, знакомое рыло.

– То-то и гляжу, что знакомое. Не может быть, чтобы мы в прошлый раз с ним напортачили... А ну-ка еще раз, по форме «макси», и отпустим его.

– На форму «макси» нет санкции, – унылым голосом напомнил лаборант.

– Обойдется. Когда еще такого уникама увидишь... Лень работать – отойди! Моя ответственность.

Считывание ментограммы занимает секунды – обработка, да еще по форме «макси», по идее позволяющая выуживать из мозга все, что человек когда-либо видел, слышал или думал, идет значительно медленнее.

Несколько минут инженер смотрел в вожденный кубометр мутного воздуха, нетерпеливо барабанил пальцами по крышке стола. Затем неожиданно и громко икнул.

Сгустившись из тумана, на него смотрело объемное изображение контр-адмирала Джильды Риенци в самом похабном виде.

Лаборант перестал слоняться из угла в угол и радостно взгоготнул. Инженер поставил рукой на место отпавшую челюсть.

– И это... все?

Вопрос был риторический, и лаборант пожал плечами, давая понять: он не соломинка, чтобы за нее хвататься, его дело сторона.

– Кхм. Все. До дна. Глубже, пожалуй, только коленный рефлекс.

– Сотрем и попробуем снова, а? – На этот раз голос инженера прозвучал неуверенно. Ощущать свою беспомощность – занятие не из приятных.

– Испытуемый уже ушел. Вернуть? – Лаборант скорчил гримасу.

– Нельзя: инструкция... А и ладно!.. – Инженер решительно хлопнул ладонью по столу. – Что есть, то и покажем, при чем тут мы? Представляю себе их лица... – Он поморщился и вдруг открыто ухмыльнулся. – А главное, этому типчику, Альвело, даже диффамацию невозможно пришить, потому что никому не известно, как он это делает и делает ли вообще... Черт побери, ну и денек!..

* * *

В спальной каюте контр-адмирала Джильды Риенци было душно. Горел ночник, освещающая импортированные из метрополии мебельные излишества: полочки, тумбочки, гигантский резной шкаф настоящего мамонтова дерева, антикварный туалетный столик с инкрустациями... И разумеется, кровать – обширнейшее мягкое лежбище, предназначенное минимум для пятерых, что иногда и бывало.

– Ну иди ко мне, поросенок, – хрипловатым шепотом позвала Джильда. – Ну иди же...

За последние три часа Филипп слышал эту фразу в шестой, кажется, раз. Он не был уверен. Может, и в седьмой. Да и кому нужно вести счет? Все равно Джильда не отпустит, пока не вычерпает до дна, и завтрашняя судьба жертвы – ходить раскорякой, а то и лежать пластом, держась за гениталии и проклиная шепотом день, когда появился на свет. Изголодавшийся по женщине глубинник, вернувшийся с патрулирования, – самый лакомый кусочек.

Филипп на четвереньках переполз кровать. Задранные вверх белые ноги Джильды вздрагивали от нетерпения.

– Ну где ты... Хороша я, а?

– Нет слов, – соврал Филипп. Слова-то у него как раз вертелись на языке, за год службы их накопилось в голове достаточно, а вот чего не было, так это уверенности, что госпожа контр-адмирал воспримет их как комплимент. Скорее наоборот. Хотя формально – все при ней, не придерешься, а что опротивело тебе спать с ненасытной властной шлюхой – кого интересует? Изволь соответствовать, если желаешь нормальной службы, а не охоты за полу-

дохлыми торпедами в Гольфстриме или постыдного прозябания в ремонтных доках. Не зря половина четвертого отряда коротает время между патрульными рейдами на дальних базах и без приказа на Поплавок носа не кажет.

Он зарычал, набрасываясь на женщину и зная, что Джильде это понравится. Получилось почти как надо. Кувыркаясь в объятиях контр-адмирала, он подумал о том, что не сегодня-завтра на Каплю должна прибыть новая партия свежеиспеченных глубинников. Скорее бы уже... Потом он оказался снизу и дышал ртом, чтобы не чувствовать пропитавших кровать запахов, а Джильда, разгоряченная и тоже шумно дышащая, упражнялась в верховой езде, напоминая вертикальную палочку в знаке перпендикуляра. Потом она упала на него, скользя округлым потным животом по его животу, и думать о чем-либо, кроме «когда же, наконец, это кончится?» стало невозможно. К счастью, кончилось достаточно быстро. Джильда отвалилась и, слегка отдышавшись, хрипло приказала:

– Отдыхай...

Одеяло сбилось в ноги и скрутилось в жгут. И то хорошо, что Джильда на этот счет строга – заставляет трахать себя в постели, не где попало. Флаг-офицер Людмила Прокопович, исполняя роль «пробовательницы» новичков, куда как менее разборчива – в походе не брезгует и торпедным аппаратом, коли нет свободной каюты...

Филипп знал, что Джильда не насытилась. Еще никто и никогда не видел ее насытившейся, чего не скажешь о подчиненных ей по службе глубинниках. Однажды Павло Христюк, всем известный умник, страдающий словесным недержанием, под общий гогот офицерского собрания сострил, что Джильда Риенци никогда не получит в командование флот, ибо неминуемо доведет личный состав до полной утраты боеспособности. Спустя месяц – контр-адмирал Риенци не любила спешить – умник загремел в штрафники по самому пустяковому поводу. И не вернулся из Гольфстрима. Не всякая шутка хороша для Джильды.

«Может, прав Петр, что брезгует? – подумал Филипп. – Первый в его жизни поступок, хотя и половинчатый: по трюмным-то девкам он бегаёт. Но Анну свою не забыл, скучает отчаянно, все еще верит в правило: через год безупречной службы можно ходатайствовать о том, чтобы выписать на Каплю жену, через три года родить детей, через пять лет – завести домашнее животное не крупнее кошки. Осталось ждать совсем немного, а рапорт с ходатайством у него давно готов...»

Наивный, трогательный дурачок... Сам выбрал ремонтные доки – позорище для глубинника... Заодно он мечтает перевестись из погранфлотилии на полярную базу. Кто из глубинников об этом не мечтает после полугода службы? А кто говорит, что не мечтает, тот врет. Зимой полярные льды тают, а вот летом на полюсе праздник: целых полгода – местных полгода, не земных! – можно не плавать, а просто ходить пешком. По тверди, пусть ледяной. Хоть за горизонт. Никто из землян и не поверит, что высшее счастье человека – никогда не видеть этой воды, этой жидкой, как медуза, противоестественно огромной Капли...

Жаль, что граница не проходит по меридиану и пограничникам во льдах делать нечего.

– Отдохнул? – осведомилась Джильда. – Пять минут лежишь.

– Нет еще.

– Ах ты, поросенок! Устал, бедненький? Неужто твой корешок совсем-совсем выдохся? А если я ему помогу?

– Бесполезно.

– Что так?

– Кажется, иссяк, – вздохнул Филипп, стараясь изобразить сожаление. – А откуда что возьмется? Сперва дрейф на голодном пайке, потом этот арест на «Баклане»... Не способствует. Кстати, интересно знать: почему меня подобрали только на девятый день?

– Дурачок, нашел о чем спрашивать... Ведь вернулся ко мне? Ведь жив?

– Жив-то жив, а только свинство это.

– Свинство не обращать на меня внимания. Ну иди сюда...

Филипп вздохнул.

– Еще пять минут, ладно?

– Лейтенант Альвело, подите вон. – Сладострастная улыбка еще не сошла с лица Джильды, а голос уже стал по-деловому сух. Прикрыть свое роскошное тело она, впрочем, и не подумала, как делала всегда – новички шалели от контраста. – Одевайтесь. Приказываю идти отдыхать. По пути найдите мичмана Харитонов и срочно вызовите сюда. Ясно?

– Так точно, – сказал Филипп, прыгая на одной ноге и яростно пытаясь пропихнуть в брючину вторую. Его словно ветром сдуло с постели, и он не скрывал радости, зная, что Джильде в общем-то наплевать. – Из-под воды достану.

Он действительно нашел указанного мичмана и имел сомнительное удовольствие полюбоваться его вмиг вытянувшейся физиономией. Затем доковылял до своей койки в офицерском общежитии. Хотелось разыскать Петра, но на это не осталось сил. И главное, он ничего не узнал! Опять ничего. Его подставили – это ясно, но кто? Зачем? А ведь в надежде получить ответ он шел на вызов Джильды почти с охотой, чуть ли не вприпрыжку бежал, идиот! Он забылся – а контр-адмирал Риенци не забывается и в койке...

Пока было ясно только одно: внешне Джильда не придает большого значения инциденту: рядовое происшествие, сколько их было, сколько еще будет...

Так ли уж она безразлична на самом деле? Ее капсула, ее подчиненный, а за здорово живешь терять людей в мирное время – дурной тон. А может, у лейтенанта Альвело просто-напросто чересчур шустрое воображение?

Черта с два, подумал он.

За переборкой шумели – наверно, небольшая компания умудренных жизнью старослужащих, дойдя до нужного градуса в баре и разумно решив не мозолить глаза полицейскому патрулю, добирала кондицию в жилом отсеке, под треск разрываемых на груди фуфаяк перечисляя свои заслуги, считаясь рейдами и ранами и сетуя на несправедливость судьбы. Драки пока не было.

Филипп, морщась, перевернулся на другой бок. Жив – и хорошо, верно сказано. И тут надо очень крепко подумать, прежде чем начинать трепыхаться, – опасно лезть в игры тех, кто сильнее тебя. Если быть уверенным, что бросили подыхать в первый и последний раз, еще можно простить, можно успокоиться... Да и безопаснее. Но кто даст такую уверенность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.